

★ БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика ★

Андрей Буторин

КУРС НА МИРАЖ

БутАстика - 1

Научная фантастика. Рассказы

★ БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика ★

Андрей Буторин

Курс на Мираж

«Издательские решения»

Буторин А.

Курс на Мираж / А. Буторин — «Издательские решения»,

В первом из шести тематических сборников фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанр «научная фантастика».

Содержание

От автора	6
Во всём свои плюсы	7
Бобик по кличке Жучка	18
Гуси-лебеди	31
Желтый аспид	34
Лечебный курс	40
1	40
2	41
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Курс на Мираж

БутАстика – 1. Научная фантастика. Рассказы

Андрей Буторин

*Не хотел я жизни под копирку
Что имеет «средний» человек,
Я мечтал о лунных горных цирках
И о марсианских руслах рек.*

*Я мечтал меж кольцами Сатурна
Прошмыгнуть космической иглой,
В их рисунок сказочно-ажурный
Я узор хотел добавить свой.*

*Россыпь звезд мечтал увидеть близко,
Без помех воздушной кисей,
Но... на кухне я жую сосиски,
Сухари макаю в кисели.*

*И, взглянув сквозь форточку на небо,
В крошках звезд увидев Млечный Путь,
Вспомнил: «Молока купить и хлеба, —
Мне жена сказала, – не забудь!»*

(Стихи автора)

© Андрей Буторин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были именно рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать не один, а несколько сборников – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

В первом из шести задуманных сборников я выношу на суд моих уважаемых читателей рассказы, представляющие поджанр «научная фантастика». Возможно, для моих произведений следовало назвать его «псевдонаучной» или «околонаучной» фантастикой, но это, думаю, было бы ненужным кокетством и рисовкой, а выпендрей я не люблю во всех его проявлениях.

Приятного вам чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

*Искренне ваш,
Андрей Буторин*

Во всём свои плюсы

В любом положении есть свои плюсы. Даже в том, что оказался Мьенг. Он сидел в камере смертников и впервые за тридцать шесть лет наслаждался одиночеством.

Мьенг не любил людей. Они отвечали ему взаимностью. Его это не трогало. Но раздражало, когда трогали его. И в том, что убил тех троих, он ничуть не раскаивался. Не надо было его задевать.

Смерть Мьенга не страшила. Тягостным было ее ожидание. Собственную казнь Мьенг относил к событиям достаточно важным, хоть и не из ряда вон выходящим. Людей казнили испокон веков...

...а вот то, что произошло вскоре, относилось именно к той категории. Из ряда вон. Ни одному человеку не предлагали подобного. Он стал первым.

Когда щелкнул замок, Мьенг невольно вздрогнул. Стало трудно дышать, рука потянулась к вороту робы. Сейчас к этому вороту добавят пеньковый воротник. Или из чего там делают веревки для виселиц?.. Ах да, ему же введут яд внутривенно, повешение считается теперь негуманным.

Он поднялся и уже рефлекторно завел за спину руки. Прислушался к чувствам и остался доволен: всплеск эмоций угас. Страх почти не было. Кроме того, что предвещает любую неизвестность. А умирать ему доселе не приходилось.

– Заключение Мьенг Мьянга? – Лицо охранника казалось ледяной маской, в голосе было не больше тепла. Мьенг хотел ответить: «Нет, Санта Клаус», но сумел побороть раздражение. Близость смерти действовала на нервы сильнее, чем он ожидал. Единственное, что он позволил себе, – назвал полное имя:

– Заключение Мьенг Кипрус Мьянга.

– На выход.

Мьенгу стало весело. Выход!.. А что? Все верно. Сейчас он выйдет из тюрьмы. И уже никогда в нее не вернется. Во всем есть свои плюсы.

На место казни помещение походило мало. Скорее, это была комната свиданий. Но у Мьенга не было близких, его никто не посещал. Да и применимы ли к смертникам подобные льготы?

По старым фильмам он помнил: перегородка из толстого стекла, два ряда кресел – по ту и эту сторону, переговорные устройства. Правда, теперь стекло заменили силовым полем, звуку оно не препятствует, так что и переговорных гаджетов нет. Остались только кресла. В этой комнате их было три: один для него, два – напротив – для его собеседников. Одного из них он видел, когда его сюда оформляли: неприятный лысеющий тип в сером кителе; какой-то здешний начальник, может, и самый главный. Мьенгу это было неинтересно. Второй – подтянутый, стройный, в строгом костюме. Очень не молод, но выглядит супер. Герой любовной мелодрамы. Дамочки любят таких седовласых, умудренных жизнью красавчиков.

Лысый тип приказал охраннику выйти. Тот козырнул и исчез. Начальник вылупил на Мьенга бесцветные, в красных прожилках, глаза.

– Хочешь жить?

Мьенг только хмыкнул. На глупые вопросы он отвечать не собирался. Но дальше стало интересней.

– Тебе выпал шанс, – сказал начальник. – Сейчас доктор Дрожек сделает тебе предложение. Времени на раздумье не будет. «Да» или «нет» ответишь сразу. Если выберешь «нет», тобой займется другой доктор.

Седой красавчик поморщился.

– Вы ведь гелиоэнергетик? – вежливо спросил он.

– Когда-то был, – осторожно ответил Мьенг.

– И вы обслуживали гелиостанции на Луне и Меркурии?

– И еще орбитальные. – Профессиональный интерес заставил Мьенга забыть, но он быстро пришел в себя и желчно добавил: – Вы ведь и так все знаете. Не тяните. Что вам нужно?

– Вопросы здесь задают тебе, а не ты! – рявкнул лысый. – Ты куда-то спешешь? Еще одна подобная выходка – и...

– Не надо, господин Сушик, – снова поморщился «супергерой». – Я с удовольствием отвечу на все вопросы господина Мьянги.

– После того, как он ответит согласием, – мотнул головой начальник. – Так что и впрямь переходите к делу, доктор.

– Хорошо. – Дрожек посмотрел прямо в глаза Мьенгу, и тот невольно поежился. В противовес располагающей внешности и вежливой речи, взгляд доктора был лишен даже капли человечности. Он изучал им Мьенга, словно лабораторную крысу... Даже не крысу – бактерию! Не хватало лишь микроскопа. – Итак, – сказал он, – космос вам хорошо знаком. Вы – опытный инженер. К тому же – специалист по гелиоэнергетике. Во всем этом – большие плюсы. Собственно, потому выбор и пал именно на вас. Всему остальному мы вас научим.

Мьенг чуть не потерял самообладания. Закричать: «Чему научите? Зачем?!» ему помешало лишь опасение, что разозленный начальник восстановит статус кво. А Мьенгу уже расхотелось умирать, не узнав, под какой микроскоп его хочет засунуть доктор Джекилл... то бишь, Дрожек. И он, стиснув зубы, промолчал, ожидая продолжения.

Оно последовало. Но было столь неожиданным, что не сразу дошло до сознания Мьенга.

– Мы хотим вас отправить к Альфе Центавра, – подытожил «герой-любownik» и откинулся на спинку кресла.

– Ну? – посмотрел на Мьенга тюремщик. – «Да» или «нет»? Отвечать сразу!

– Но... – заморгал Мьенг, пытаясь собрать рассыпавшиеся мысли.

– Только «да» или «нет»!

– Да, да!! – заорал Мьенг, так и не понимая, на что подписывается. Он лишь успел сообщить, что умереть никогда будет не поздно. Так что в подобном выборе имелся внушительный плюс.

Мьенга вернули в прежнюю камеру и не трогали целых четыре дня. Но теперь он уже был не рад этому. И чем дальше, тем странный разговор с доктором Дрожеком стал казаться всего лишь выкрутасом отрицающего гибель сознания; обычным, хоть и очень реалистичным сном. Впрочем, засыпал он теперь плохо. Все пытался понять, может ли иметь произошедшее... или все-таки привидевшееся?... хоть какой-либо смысл?

Да, он не раз летал в космос. И, не будучи специалистом по астронавтике, тем не менее знал, что современное развитие космической техники не позволяло путешествовать к звездам. Повсеместно применялись ракетные двигатели, основанные на химической реакции горючего и окислителя, – как в самом начале освоения космоса, пусть и гораздо более совершенные. При межпланетных полетах использовались ионные и плазменные двигатели, существовали уже корабли с ядерными установками. Плохо прижились, но кое-где еще «бороздили просторы Вселенной» экзотические и неуклюжие космические парусники. Но любой из этих аппаратов мог летать только в пределах Солнечной системы, а до той же Альфы Центавра их полет занял бы столько времени, что терялся его практический смысл.

И если его хотят отправить на таком корабле, то зачем? Проще, и гораздо дешевле, оставить его до конца дней в этой камере, если уж так жалко тратиться на яд.

На пятый день за Мьенгом пришли. Вначале он испытал чувство deja-vu. Щелчок замка. Ледяное лицо охранника.

– Заключенный Мьенг Мьянга?

– Мьенг Кипрус Мьянга.

– На выход.

Неужели все-таки приснилось? И никакой Альфы Центавра, лишь какой-нибудь «альфа-цианид» внутривенно...

Однако на сей раз его вывели во внутренний двор и усадили в закрытую, без окон, коробку кара. Примерно через полчаса он сидел в такой же точно коробке, но уже на борту вертолета. Полет продолжался долго, Мьенг заснул.

Он проснулся от толчка. Свист винтов стал затихать, перешел в чавкающий шелест, а затем по ушам ударила тишина. Но длилась она недолго. Вжикнул запор, отошла вбок дверь, и сразу резануло по глазам давно забытое солнце, а йодистый запах моря, ворвавшийся в ноздри, выдавил из глаз слезы. Ведь именно так – солнцем и морем – и должна была пахнуть свобода!

К огромному удивлению Мьенга, он и в самом деле оказался свободен. Относительно, конечно, но по сравнению с камерой смертников он чувствовал себя блохой на бродячей собаке.

Плюсов в его новом положении было – хоть отбавляй. Начать с того, что в шикарном – с отдельной спальней! – номере не оказалось... запоров! То есть, замок в двери имелся, но вполне обычный, кей-чип от которого Мьенгу тут же выдали. У входа в жилой корпус дежурила охрана, но конкретно на Мьенга она обращала внимания не больше чем на прочих.

Сопровождавший Мьенга светловолосый крепыш в белом летнем костюме, назвавшийся Полем, заметил его изумление и пояснил:

– Бежать некуда. Это остров, вокруг океан на многие мили. К тому же, тут все охраняется. Основательно, смею вас заверить. Особенно это касается Центра, причала и вертолетной площадки. Так что не советую...

Что именно он не советует, крепыш говорить не стал, но Мьенг и так все понял.

Поль глянул на часы.

– Обед через полчаса. Ресторан на первом этаже. Принимайте душ, переодевайтесь и подгуливайте. Зеф тоже там будет, так что...

Похоже, белобрысый крепыш не любил завершать мысли, но на сей раз Мьенга это не устроило.

– Зеф? – переспросил он.

– Ну, да. Йозеф Дрожек. Это ведь он вас сюда сосватал?

Мьенг не ответил. Раздвинул дверцы шкафа, нашел полотенце и направился к ванной.

Дрожека он заметил сразу, как вошел в ресторан. Доктор тут же повернул в его сторону голову, и Мьенг заподозрил, что без датчиков слежения в одежде или обуви не обошлось.

– Идите сюда! – замахал рукой Дрожек. Мьенг кивнул и направился к столику, за которым кроме доктора сидел бородатый черноволосый мужчина лет сорока.

– Доктор Штофман, господин Мьянга, – представил их Дрожек. И сказал, обратившись к Мьенгу: – Господин Штофман проектировал ваш корабль.

– Ну, не я один... – жеманно отмахнулся Штофман, но Мьенг его перебил.

– Мой корабль? – сделал он упор на первом слове. – Ладно. Раз он мой, то без меня не улетит. Давайте сначала поедим.

На самом деле ему чертовски хотелось узнать побольше и о корабле, и о своей миссии, и почему выбор пал именно на него... Да у него накопилась хренова туча вопросов, от которых

мозги только что из ушей не капали! Но больше всего на свете ему сейчас хотелось есть. Увидев и унюхав то, что ели и пили его визави, он был готов отобрать у них бокалы и тарелки, пока дожидался официанта с заказом. И ни думать, ни говорить о чем-либо еще он был сейчас попросту не способен.

Настоящая человеческая пища, вкус которой он почти забыл, а также бокал красного вина сыграли с ним злую шутку. Он стал засыпать прямо за столом. Поэтому то, что говорил Дрожек, слилось для Мьенга в «белый шум». Вероятно, он дремал с открытыми глазами, потому что «шум» не прекращался. До сознания долетали, но тут же вязли в сладкой дреме отдельные фразы. «...пояс Койпера... четверть светового года... прямоточный ядерный...» Последняя фраза заставила Мьенга встрепенуться.

– Прямоточный?.. – заморгал он. – На моем... на том... на этом корабле?

– Вы что, не слушали? – Взгляд доктора стал тем же пронизывающе холодным, что и при первой их встрече. Сонливость вмиг сдуло, как домик Дороти ураганом.

– Я слушал. Но... насколько я знаю, идея прямоточных термоядерных двигателей себя не оправдала. В Системе их использовать опасно, а за пределами пояса Койпера...

– За пределами пояса Койпера как раз и проводились испытания. До удаления в четверть светового года. Чем вы слушали?

– Позвольте, я поясню, – подался вперед доктор Штофман. Мьенгу показалось, что волоски на бороде доктора зашевелились от возбуждения подобно крохотным щупальцам. – Количество атомов водорода сразу за поясом Койпера, примерно в шестидесяти астрономических единицах от Солнца, составило, по результатам испытания, в среднем семь-восемь на кубический сантиметр пространства. А в пятнадцати тысяч ае, почти в четверти светового года, их было два-три. Если дальше их окажется всего два, или даже один на кубический сантиметр, то и этого хватит, чтобы корабль двигался со скоростью примерно в половину световой. С учетом того, что...

– Пока хватит, – оборвал коллегу Дрожек. – Главное вы, я надеюсь, поняли? – проморозил он Мьенга взглядом. – Такой корабль есть. И вы на нем полетите. Если, разумеется, не передумаете. Смею заверить, ваш приговор никто не отменял, и в исполнение его приведут не мешкая.

– В любом случае приговор исполнится, – скривил губы Мьенг. – Ведь обратного билета у меня не будет?

– С чего вы взяли? У вас будет мало шансов. Пять процентов максимум. Но это больше, чем ноль.

– Это ноль с плюсом, – вновь усмехнулся Мьенг. – Ведь моя порция яда и к тому времени не прокиснет.

– Если вы вернетесь, вас амнистируют. Это я вам гарантирую. Но даже если доведется погибнуть, то и в этом есть положительные моменты. Во-первых, это может случиться не сразу, а через год, три, восемь... Прожить даже лишний день – уже подарок, не так ли? А во-вторых, вы погибнете как герой, а не как отброс общества.

Мьенг скривился.

– От громких слов меня тошнит. А я только что пообедал. Не хочу заставлять вас тратить на новую порцию.

Занятия в Центре начались на следующий день. Беседа в ресторане не только не удовлетворила любопытство Мьенга, она его лишь разожгла. К старым вопросам добавились новые. Главные из них: что не дал договорить Штофману Дрожек, и какой смысл куда-то лететь, если шанс на успех столь низок? В обещанные Йозефом Дрожеком пять процентов Мьенг не поверил. Пять десятых процента – еще куда ни шло. И то слишком много. Пусть и пропустил он,

оторванный от мира, полтора года, это не тот срок, за который можно разработать и довести до ума нечто принципиально новое. А прямоточный термоядерный двигатель – это не персональный инфомедиацентр, модели которых обновляются чуть ли не еженедельно. Так куда же спешить? Не лучше ли потратить еще два-три года на полноценные испытания и доработку? Пусть в данном случае жизнь пилота ничего не стоит, но ведь и сам подобный корабль отнюдь не дешев... В чем же плюсы этой сомнительной гонки?

Ответ на второй вопрос он получил в неожиданной форме. Когда, сопровождаемый все тем же белокрысым Полем, Мьенг вошел в один из кабинетов Центра, он застал там доктора Дрожека и миниатюрную рыжеволосую женщину, похожую на девочку-подростка, в таком же матово-черном комбинезоне, что выдали и ему.

– Зоя Леденец, – представил девушку Дрожек, – ваша напарница.

– Я не люблю сладкое, – сказал Мьенг.

Как все рыжеволосые, женщина покраснела стремительно, превратившись в факел на черном деревке.

– Йозеф! Я ведь просила делать ударение на втором слоге!

Сначала Мьенг удивился фамильярности, с какой обратилась девушка к доктору, и лишь затем до него дошел смысл фразы самого Дрожека.

– В каком смысле напарница? – нахмурился он. – Не факт, что полечу я? У меня будет дублер?

– Вы полетите вместе.

– Но почему? Зачем? Я не собираюсь ле...

– Не собираетесь? – выплюнул Дрожек. Яда в его фразе было, пожалуй, не меньше, чем в той ампуле, что до сих пор ждала Мьенга. О чем доктор не преминул напомнить: – Вызывать вертолет?

– Не надо. – Мьенг так стиснул челюсти, что заныли зубы.

Дрожек вновь стал спокоен.

– По-моему, – сказал он, – в присутствии напарницы для вас одни плюсы. Во-первых, вы ведь здоровый мужчина. – Зоино лицо снова вспыхнуло, но доктор не смотрел в ее сторону, словно девушки тут не было вовсе. – Лично я бы не отказался от такой... напарницы. Во-вторых, и это главное, Зоя специалист по той части оборудования, ради которой и затеян полет.

Мьенгу очень захотелось ответить. И не только словами. Ему не нравилось, когда лезли в его лично-интимную сферу. К тому же, девушка ему откровенно не нравилась. Будучи сам под два метра ростом и весивший более центнера, он и подруг выбирал исключительно крупных. На мелюзгу, подобную Зое, в качестве сексуальных партнерш он даже не смотрел.

И все-таки его заставила сдержаться оброненная Дрожеком фраза насчет цели полета.

– Что за оборудование? – процедил он.

– Пусть госпожа Леденец, – на сей раз доктор сделал правильное ударение, – сама вам об этом расскажет.

То, что рассказала девушка со сладкой фамилией, оказалось похлеще прямоточного термоядерника. Оказывается, за последние годы ученым удалось создать установку... мгновенного перемещения. Имелось лишь два значительных «но». Во-первых, передача могла осуществляться не в любое место, а лишь туда, где находился специальный приемник. А во-вторых, передатчик и приемник должны были располагаться на линии «прямой видимости», поскольку они связывались неким аналогом луча, по которому и происходила телепортация. Особенностью «луча» было то, что он соединял передатчик с приемником мгновенно, на каком бы расстоянии друг от друга они не находились.

Мечта человека о звездах переставала быть просто мечтой. Оставалась самая малость: доставить к ним приемопередатчики.

– Но почему... я?... – выдохнул Мьенг, когда опять смог дышать. – При чем здесь гелио-энергетика?

Теперь заговорил крепыш Поль. Оказывается, он все это время сидел в сторонке и внимательно прислушивался к разговору.

– Гелиоэнергетика здесь очень даже при чем. – Поль встал и одернул свой белый костюм. – Но не совсем та, по которой работали вы. Даже совсем не та.

Мьенга ждало новое потрясение. Научились использовать энергию Солнца... напрямую! То есть, она не преобразовывалась в тепловую, или в электроэнергию, не «надувала» светом солнечные паруса. Она работала в том чистом виде, в котором существовала изначально. Почти в том виде. Она лишь сознательно понижалась с помощью специальных «трансформаторов», так называемых гелидаунов. Именно этой энергией и питались устройства телепортации – передатчик с приемником. Два гелидауна – основной и резервный – были смонтированы на корабле.

Поль вкратце описал Мьенгу принцип обуздания звездной энергии, но понял тот мало. В основном еще потому, что мозг просто отказывался соображать под обвалом таких новостей.

Дрожек это заметил.

– На сегодня достаточно. Зоя, проводите напарника.

Мьенг хотел отказаться, но у него вдруг родился вопрос, который он хотел задать девушке без свидетелей.

– Вы сами-то не против лететь со мной? – начал он, когда они оказались одни.

Мьенг хотел спросить о другом, но Зоя ответила так, что главный вопрос отпал сам собой.

– Даже если бы я была против, это бы ничего не меняло. Я в том же положении, что и вы.

– Вы тоже... преступница?!

– Да! – Девушка с вызовом посмотрела на Мьенга. – Я убила человека. Не боитесь со мной лететь?

– Я убил троих, – скривил губы Мьенг. И вновь стал серьезным. – Но мне показалось, что вы из команды Дрожека...

– Да, я из его команды, – потупилась Зоя. – Я убила не умышленно. Несчастный случай. Но вы ведь знаете законы?

– Умышленное убийство двух и более человек – смертная казнь, одного – пожизненное заключение... Погодите, но неумышленное убийство одного человека – всего лишь тюремное заключение. Большое, но...

– Мне дали двадцать три года. Когда отсижу – мне будет пятьдесят... А тут – такой случай!.. Даже если погибну – не страшно. Я не хочу, чтобы мне... было пятьдесят... – Последнюю фразу Зоя произнесла еле слышно, вновь безудержно краснея. А потом тряхнула рыжей челкой и гордо, будто хвастаясь, заявила: – Зато, если вернусь, мне обещали полную амнистию!

«Совсем девчонка!..» – мысленно вздохнул Мьенг, а вслух произнес:

– Мне тоже.

А потом началась подготовка. Каждый день, с утра до ночи. Доктор Дрожек спешил. Ни для кого из группы не являлось тайной, что именно он собирается стать первым межзвездным «телепортантом». Учитывая, что ему было под шестьдесят, и, если добавить лет девять-десять на доставку приемопередатчика к Альфе Центавра, торопиться ему действительно стоило.

Мьенг легко и быстро выучил «матчасть», знал где и что находится в корабле, как со всем этим управляться – тем более что делать там особо было и нечего, всем управлял мощный и сверхнадежный Информаторий, – но ему туго давалась «новая гелиоэнергетика». Знаний не хватало. Принципы управления солнечной энергией были совсем иными нежели те, по которым когда-то работал он. Но Йозеф Дрожек и курирующий это направление Поль не делали

Мьенгу поблажек. Гелидаун, по сути, был сердцем проекта. Выйди из строя основной и резервный – проект можно было хоронить. Равно как и Мьенга с Зоей. Назад им будет уже не вернуться. Ведь как выяснилось, то, что хотел сказать при первой встрече доктор Штофман, тоже касалось гелидаунов. Оказывается, корабль использовал энергию звезды (Солнца или той, куда он направлялся) для разгона и торможения. Но чем дальше от звезды, тем энергии становилось меньше; в любом случае при полете от Солнца, миновав пояса Койпера, следовало переходить на термояд. Но плюсы подобного разгона были очевидны: удавалось достичь почти четверти требуемой скорости.

Так что, как ни крути, а с гелидаунами нужно было найти общий язык. В случае проблем с ними на Информаторий надежды было мало. Не существовало еще опыта эксплуатации этих устройств, статистика возможных неисправностей отсутствовала.

И если поначалу Мьенг недоумевал, зачем вообще на корабле необходимо присутствие человека, то теперь он был вынужден признать его целесообразность. Впрочем, если бы не спешка, гелидауны можно было обкатать как следует, набрать статистику отказов, научить Информаторий с ними справляться...

Но не Мьенгу было решать, что и как делать. Ему оставалось лишь учиться и выполнять приказы многочисленных начальников и командиров, в чем имелись свои плюсы: Мьенг ненавидел принимать решения.

И сообщение доктора Дрожека о том, что Зоя Леденец будет капитаном «Луча» (так незатейливо назвали корабль), он воспринял с радостью, узрев в том очередной плюс.

«Луч» стартовал с орбиты Луны, когда Мьенг и Зоя пристыковались к нему на стандартном планетолете.

«Солнечный разгон» прошел удачно. Далеко за орбитой Плутона гелидаун отключили и перешли на прямоточный термоядерный двигатель. Все пока осуществлялось по плану. Впереди маячили минимум восемь лет – почти вечность – если не буквальной свободы, то полной независимости от кого бы то ни было. Охранники, начальники и командиры остались далеко на Земле. Зоя была не в счет. С огромным облегчением Мьенг мысленно нарисовал жирный плюс, когда понял, что его командир такая же одиночка по духу, что и он сам. Они могли сутками не показываться друг другу и ничуть не страдали от добровольного уединения. Тем более поводов для обязательных контактов на данном этапе полета попросту не было. Естественные отношения мужчины и женщины, что невольно установились между ними, сводились к чистой физиологии, без какой-либо примеси чувств. Это вполне устраивало обоих.

А через год Зоя призналась, что ждет ребенка. Срок беременности перевалил за шесть месяцев. Опасаясь медицинских осложнений, женщина рассказала все Мьенгу, чтобы предупредить того о вынужденном воздержании.

Воздержание Мьенга не пугало, но его взбесило безрассудство напарницы.

– О чем ты думала?! – орал он на Зою, бледное лицо которой в обрамлении рыжих волос казалось фарфорово-кукольным. – Как ты могла?! Здесь нет нянек, это космический корабль, а не ясли! Почему ты не сделала стерилизацию? Я думал...

– А ты поменьше думай, – процедила женщина. – Мозги целее будут. А о себе и моем ребенке позволь мне думать самой. И не бойся ты так, я и одна справлюсь. А если боишься, что он нас объест...

– Да ничего я не боюсь! – сплюнул Мьенг. – Я просто не могу тебя понять.

– Потому что ты не женщина. А я хочу ею быть.

– Ну и была бы на здоровье. После возвращения.

– А оно будет?

– Но если нет, ты вообще поступаешь... жестоко. Обрекаешь на смерть невинного...

Мьенг уже не кричал, а мямлил, с трудом подбирая слова. Самому стало противно. Он повернулся и, ничего больше не говоря, ушел в свою каюту.

Это была их первая ссора. До самого рождения сына Мьенг не обмолвился с Зоей ни словом.

Еще через год Зоя родила дочку. Если мальчик, хоть и будучи смугленьким, внешне походил на Зою – хрупкое тельце, ангельское личико в обрамлении рыжих кудряшек, – то девочка с первых дней была плотно сбитой, крепенькой, обещая вырасти под стать отцу. А еще она была темно-коричневой, как шоколадка. Мьенг так и стал ее называть. И полюбил столь яркой любовью, что поначалу испугался неведомого доселе чувства. Сына Мьенг тоже любил, но все-таки не испытывал к нему той щемящей нежности, что наполняла его при виде дочери.

Зоя сдержала слово, и поначалу занималась детьми сама. Она даже имена им дала, не посоветовавшись с Мьенгом: Андрей и Елена.

Но постепенно и отец стал уделять детям все больше внимания. Хоть его и тянуло в первую очередь к своей Шоколадке, Андрюша тоже всегда был рядом, поэтому немалая доля отцовской ласки доставалась и ему.

Вот только Зою Мьенг так и не смог полюбить. Она была и оставалась для него хорошей напарницей, удобной соседкой, сносной любовницей, но только не любимой женой. Плюс в этой ситуации было то, что Зоя тоже его не любила. Во всяком случае, никаких чувств ему не выказывала.

Почти семейную идиллию портило лишь одно обстоятельство. К третьему году полета скорость корабля должна была стать по расчетам крейсерской – равняться половине скорости света. Она же едва составляла треть световой. Плотность межзвездного газа оказалась меньше расчетной. Точнее, она была слишком неравномерной. Порой за миллион километров пути датчики не фиксировали ни одного атома водорода. А бывало, что их становилось два, три, а то и пять на кубический сантиметр.

Это не нравилось ни Мьенгу, ни Зое, но поделать они ничего не могли. Плюс было то, что корабль все же летел достаточно быстро, чтобы достичь цели в обозримом будущем; минусом – ограниченные запасы пищи, рассчитанные примерно на десять лет для двух человек. Но экипаж увеличился, и вызывало большое сомнение, что еды хватит на всех до конца пути.

Зоя командирской властью ввела режим жесткой экономии, который, разумеется, не распространялся на детей. Впрочем, она могла бы и не делать этого официально, Мьенг и так ел ровно столько, чтобы хватало сил передвигать ноги. Он сильно похудел и довольно скоро настолько привык к «диете», что почти не испытывал голода, питаясь лишь дважды, а то и один раз в сутки.

Так проходил год за годом. Дети росли, Зоя занималась их воспитанием и образованием, Мьенг от безделья всерьез увлекся наукой. Он решил основательно разобраться в новой гелио-энергетике и вполне преуспел в этом, благо все материалы имелись в памяти Информатория. Но Мьенг пошел дальше. Он рассчитал режимы работы гелидауна не только для понижения, как следовало из названия, но и для увеличения звездной энергии. Имея необходимое оборудование, он бы попытался запустить солнечный двигатель прямо сейчас, на расстоянии около светового года до цели.

А цель все равно приближалась. Проведя доскональную ревизию запасов и рассчитав оставшееся время пути, Мьенг и Зоя пришли к выводу, что до Альфы Центавра еды им все-таки хватит. Воду же они использовали только регенерируемую, оставив небольшие запасы «настоящей» земной воды на крайний случай – если откажет система регенерации.

Прошло четырнадцать лет после старта. Оборудование не отказало. Еды хватило. Дети стали почти взрослыми.

Однажды в дверь каюты Мьенга постучали. Сердце его тревожно дрогнуло. Увидев за дверью улыбающиеся лица детей и Зою, Мьенг растерялся. Но торт в руках дочери, вместо крема жиденько присыпанный сахарной пудрой, сразу расставил все по местам. Это был пятидесятый день рождения Мьенга.

Он принял от Шоколадки подарок, и та чуть не выбила его из рук, повиснув на отцовской шее.

– С днем рождения, папочка!

– Поздравляю, – улыбнулся Андрей.

– С юбилеем, – чмокнула в щеку Зоя. А потом, отчего-то вдруг побледнев, сказала: – У меня есть еще один подарок... Пойдем.

Она привела его в капитанскую рубку и ткнула в обзорный экран:

– Это тебе от меня.

На экране горел алый рубин с горошину величиной.

– Что это? – заморгал изумленный Мьенг.

– Проксима Центавра. До нашей цели – две десятых световых года. – Зоя показала на яркую точку в середине экрана. Увеличила изображение, и Мьенг увидел, что точек стало две. – Вот они, А и Б Альфы Центавра... Мы почти прилетели.

У звезды А двойной системы Альфа Центавра, так похожей на Солнце, имелись планеты. На второй из них, желтой от обилия песчаных пустынь, в атмосфере оказался кислород в достаточном для свободного дыхания количестве. На ней был небольшой океан, к нему текли реки. Анализатор показал присутствие растительности и прочей органики. Все говорило о том, что на этой планете можно было жить!

– Может, ну его, этого Дрожека? – не отрывая глаз от экрана, сказал Мьенг. – Взорвем к чертям эту лоханку, спустимся туда и забудем всех и все.

– Мы так и сделаем, – ответила Зоя. Мьенг изумленно обернулся и не узнал напарницу. Зоя была пугающе бледной. Посиневшие губы едва шевелились, но Мьенг разобрал донесшийся из них шепот: – Это единственный выход...

– Что с тобой?..

Ноги Мьенга стали вдруг ватными, занемел язык, льдом сковало сердце. Словно он захотел умереть, прежде чем услышит ответ. Он был уверен, что не найдет в нем ни одного плюса.

С Зоей произошла резкая метаморфоза. Кровь внезапно прилила к ее лицу, и из мертвенно-белого оно стало багровым, словно подаренная недавно Мьенгу Проксима.

Зоя сжала подлокотники кресла и заговорила, будто повторяя давно заученный текст – монотонно и нудно. Если не вникать в смысл ее слов, легко можно было заснуть под их убаюкивающий тихий шелест. Но не вникать в него Мьенг не мог, как бы он этого ни хотел...

Для телепортации, открытой Йозефом Дрожеком, кроме приемника и передатчика, нужен был еще объект, содержащий те же молекулы вещества, в количестве, не меньшем, что и у перемещаемого тела. По сути, вещество в приемнике при помощи информационного луча, которым становился передаваемый предмет, попросту перекомпоновывалось, приобретая свойства и связи молекул источника. И таким принимающим объектом должен был стать Мьенг. Дрожек просто не оставил Зое выбора. Особенно теперь, когда у нее были дети. Оказывается, помимо «вещественного» луча, приемопередатчики могли связываться и сугубо информационно, чем с самого начала полета и пользовалась Зоя для контактов с Дрожеком. Связь была мгновенной, лишь одно это уже делало изобретение доктора гениальным. Но ему было этого мало. Заполучив звезды, он хотел получить в придачу власть над миром, и ради этой цели не останавливался ни перед чем. Первые опыты показали, что для передачи чело-

века не подходил в качестве принимающего объекта простой набор нужных молекул – например, куски мяса с костями. Не годились и животные в добром здравии. Человек оказался чем-то большим, нежели просто «суповой набор». Видимо, душа все-таки существовала, и для изготовления дубликата нужна была оригинальная матрица. Это знание досталось Зое дорогой ценой – ведь именно так она и «убила» первого добровольца, которым был ее муж, также ученый команды Дрожека. После этого доктор стал проводить опыты над заключенными-смертниками, а сама Зоя оказалась преступницей, поскольку официального разрешения на проведение того эксперимента не имела.

Йозеф Дрожек обещал ей полную амнистию после окончания межзвездного проекта. Он гарантировал ей возвращение. Разумеется, для этого кто-то опять должен был поплатиться жизнью, чтобы отдать ей молекулы своего тела. Но узнав, что у Зои родились дети, Дрожек заявил, что насчет них договора не было. Возможно, он так лишь жестоко шутил. Может, хотел получить удовольствие от Зоино унижения, когда она будет целовать ему ноги, вымаливая детям жизнь. Но рисковать Зоя не хотела. Как не хотела жертвовать чужими жизнями ради спасения себя и детей.

– Он ждет, – закончила свою речь напарница Мьенга, мать его детей, его любовница и... предательница, – он очень ждет! Мне кажется, последнее время он не выходит из камеры передатчика в ожидании сигнала. Давай взорвем корабль, чтобы не было искушения, обрубим концы и начнем новую жизнь...

– В твоем предложении столько плюсов, – растянул Мьенг губы, – что от него трудно отказаться. Иди, собери детей и погрузи в планетоlet все необходимое. А я подготовлю корабль к взрыву.

Взорвать корабль было очень легко – достаточно убрать понижение энергии при работе гелидауна. Мощь звезды испарит корабль за мгновение. Нужно лишь сделать так, чтобы это произошло в нужный момент. Например, при открытии камеры телепортации изнутри...

Для Мьенга это было пустяковой задачей.

– Поднимайся, мы готовы, – помахала ему из люка планетоleta Зоя. Рядом стояли Андрей и Елена.

– Поднимайся, папа, – позвала его дочка.

– Прости, Шоколадка. – Мьенг достал дистанционный пульт Информатория и пробежал по сенсорам пальцем. Люк планетоleta стал закрываться. – Андрей, береги их! Ты мужчина, я верю в тебя.

Зоя рванулась к створке люка, словно хотела удержать его руками, но в любом случае было уже поздно.

– Прости!.. – успела лишь крикнуть она.

Подождав для верности, чтобы пассажиры успели занять кресла, Мьенг выдал с пульта команду закрытия шлюза, а после – на отстрел планетоleta.

На встроенном рядом со шлюзовым люком экране он видел, как отдаляется от «Луча» маленький кораблик, как блеснули пламенем дюзы... Планетоlet не стал возвращаться, он взял курс на планету.

– Молодец, Леденец, – сделал «неправильное» ударение Мьенг. – Поняла.

Он торопился к камере телепортации, будто там его ждал главный приз жизни. То, о чем он мечтал, чего добивался. Таким призом могла быть свобода... Но почему «могла»? Она и будет. Свобода от всего. А заодно он сделает мир чуточку светлее и чище.

Мьенг поморщился. Он не любил громких слов. Даже произнесенные мысленно, они вызывали тошноту.

Вот и дверь в камеру. В камеру!.. Мьенг мотнул головой. Круг замкнулся. От судьбы не уйдешь.

Он шагнул за порог. Сзади щелкнула запорами дверь. Мьенг прошел к пульту и приложил ладонь к сенсору.

– Голосовая идентификация. Назовите ваше имя.

Информаторий лишен эмоций, словно тюремный охранник. Четырнадцать лет будто и не было. Прошлое настигло Мьенга. Руки сами потянулись за спину.

– Мьенг Кипрус Мьянга.

Раздалось слабое гудение, сиренево замерцал круг рабочей зоны. Запахло озоном.

– Встаньте в центр круга.

– Ты должен был сказать: на выход, – хрипло выдавил Мьенг, становясь в центр мерцающей зоны.

– Неверная команда, – бесстрастно откликнулся Информаторий. – Выход заблокирован. Осуществляется генерация луча. Выхода нет.

– Ошибаешься, железяка. Выход всегда есть. Другое дело, какой. Но в любом – свои плюсы.

Бобик по кличке Жучка

Семен вжался в рыжий песок, пытаясь сильнее в него зарыться. В промежуток меж двух бурых валунов просматривался приличный участок блекло-оранжевой пустыни. Однотонный пейзаж несколько разбавляли многочисленные вкрапления красно-коричневых камней. Здесь все было выдержано в «теплой» цветовой гамме. Даже небо отливало грязно-розовым.

«Как на Марсе», – вынырнула откуда-то непонятная мысль. Подобные странные, ни на что не похожие мысли посещали Семена частенько. Случалось, и бронебойный лучер, ствол которого он как раз просовывал сейчас между камней, называл про себя «пэтээр». Бессмысленное словечко, глупее не придумаешь! Но придумалось вот... Или залги, эти злобные твари, тошнотворные уроды, которые лезут и лезут, словно тараканы (а вот и еще один подарок подкорки!) – откуда они и берутся в таком количестве? Их Семену все время почему-то хочется назвать «чехами». Тьфу! Слово хоть и непонятное, но для залгов слишком уж красивое. Сколько ребят полегло от этой нечисти!

Ничего, скоро мы им покажем! Пополнение наконец-то прибыло. Желторотики, конечно, щенки сопливые, но это дело поправимое. Сержанты свою работу знают! А после первого же боя те, кто уцелеют, уже совсем другими станут...

Размышления Семена отвлекло движение у самой линии горизонта. Сменив фокусное расстояние огромных, по-жабьи (опять словечко выскочило) выпуклых очков, он выбрал нужное увеличение и весь обратился в зрение.

По пустыне, дымя рыжей пылью, стремительно плыли желтые «табакерки». Это слово отдавало тоже чем-то неуловимо-знакомым, но главное – так назывались бронемашины залгов. Быстрые, мощные, поражающие лучом и живую силу, и бронетехнику почти на любой дальности. В принципе, луч бил абсолютно на любое расстояние, но чем оно дальше – тем, понятно, больше и рассеивание луча. Километров за пять его диаметр становился уже с человеческую голову, таким борт бронемашины не прожжешь, зато «голового» бойца в простом пехотном панцире поджарить можно за милую душу!

Семен насчитал шестнадцать движущихся целей. А их здесь, вместе с господином поручиком, двадцать шесть. Негусто. Но если бить прицельно, а самое главное – не паниковать и подпустить врага поближе, то справиться можно. Да что там «можно», нужно справиться! Не за что-нибудь бьемся – за Родину! За нее и умереть не страшно.

– Я – второй. Вижу цель, – сказал Семен в общезвонном диапазоне ровным, как на учениях, голосом. – Шестнадцать «табакерок». Дальность от двух до двух с половиной. Интервал сто – сто пятьдесят.

– Понял, старшина, – откликнулся поручик Иваневич. И отдал приказ командирам отделений: – Сержанты, готовность к бою! – А потом добавил, уже на личной волне Семена: – Не трусь, старшина! Будем биться до подхода наших бронетанков. Пусть пока гады думают, что мы без прикрытия. Ну, с богом!

Семен облегченно вздохнул. Про бронетанки он не знал. Думал, что их взвод кинули сюда целенаправленно, драться до конца. Ведь с бронетехникой сейчас проблема – сколько еще направлений, где ломаются сквозь наши заслоны банды «чехов»? Говорят, что уже у самой столицы... Впрочем, тс-с-с! Треплом не стоит быть никогда, даже самому с собой наедине.

Старшина на миг оторвался от наблюдения и перевел взгляд в сторону. Вон, из-за линии горизонта, над самыми облаками возвышается ажурное плетение башни... А за ней начинается город. Его город. И защитить его надо во что бы то ни стало! Ценой крови, ценой жизни, но защитить.

«Табакерки» приближались. Ладони в армированных крагах, превращающих пальцы в цепкие когти, вспотели. Семен взял в прицел крайнюю слева машину и доложил по взводу: «Я – второй. Беру первую слева!» Он имел право выбора. Он – замком взвода и вправе принимать решение самостоятельно. Лишь господин поручик мог сейчас запретить ему что-либо делать.

Бронемашина залгов приблизилась на сто десять метров. Можно стрелять. Но Семен привык действовать наверняка. Он решил подождать. Немного.

Сто... Девяносто пять... Девяносто... Восемьдесят восемь... Огонь! Луч фукнул из ствола, обдав лицо жаром сквозь вентиляционные отверстия маски. Заплясал по желтой броне малиновым пятнышком. Попадание есть, но надо держать луч в одной точке хотя бы пару-другую секунд. Ручные лучеры не прошибают лобовую броню мгновенно. Самое главное, чтобы за эти секунды по наводке твоего же луча не шарахнули с «табакерки». Там уж достаточно будет мгновения, чтобы расплавилась кираса – в общем-то чисто декоративная защита, титановый панцирь, спасающий разве что от удара булыжником. Зато эти панцири у них красные, как сама кровь, которую проливают они за свободу Родины. А у мерзких ублюдков и панцири мерзкие – желтые, словно детский понос. Наверное, специально, чтобы не видно было, когда обдрищутся.

Семен отсчитал уже пять... шесть секунд, удерживая зайчик луча в одной точке, но «табакерка» все перла и перла вперед, не собираясь дыряться.

«Что за черт? – подумал Семен. – Усиленная броня?» И как раз в этот момент металл бронемшины побагровел, лобовая плита вогнулась, словно пластилиновая, а потом прорвалась вовнутрь расплавленным потоком. Семен целил под самый ствол «табакерки», где за броней находился лучевой генератор. От огромной температуры тот должен был взорваться, разнеся по пустыне жидкометаллические капли – все, что осталось бы от вражеского танка. Но он почему-то не взорвался...

«Новые сюрпризы! – нахмурился Семен. – Ну, ничего!» А продырявленная «табакерка» продолжала двигаться. До нее оставалось уже тридцать два метра. «Ничего, – повторил старшина. – Легче целиться!» И вдарил новым лучом в проделанное им же отверстие.

Бронемашина дернулась и заглохла. Внутри нее зашипело, заплевалось сквозь «рану» огнем. Повалил густой дым. Так и не взорвавшаяся «табакерка» перестала, тем не менее, быть боевой единицей. Что и требовалось.

Увлеченный нелегкой победой, Семен потерял общую картину боя. Между тем почти все «табакерки» находились уже в зоне доступного огня. Но и сами они не собирались играть роль мишеней, начиная плеваться шипящими лучами. Соседнюю же с «семеновой» бронемашину уже поливали из лучеров сразу двое бойцов. Но у них, видимо, не достало выдержки поддержать луч дольше чем обычно, и расстояние между ними и «табакеркой» неумолимо сокращалось.

– Мать твою!.. – ахнул Семен, увидев наконец, что товарищи не справляются и вот-вот погибнут. Он быстро перевел ствол на новую цель, шепча: «Не успею, не успею!» И не успел. Из «табакерки» резанул луч. Только не по стреляющим солдатам, а в его, Семена, сторону. Он успел лишь заметить, как взметнулся красивыми брызгами прикрывавший его булыжник, и сразу все потухло.

Открывать глаза очень-очень не хотелось. Но когда Семен все же сделал это, то увидел над собой низкий серый потолок.

– Очнулся ваш герой, – послышался смутно знакомый голос.

– Он может говорить? – спросил кто-то еще более знакомый.

– Не то что говорить – хоть снова под танки! – хохотнул первый.

Над Семеном склонилась голова поручика.

– Ну что, боец-молодец? Как себя чувствуешь?

– Господин поручик! – попытался вскочить Семен, но рука Иваневича легла ему на плечо:

– Лежи, лежи! Теперь можно полежать денек-другой.

– Как бой? – заволновался старшина. – Мы победили?

Господин поручик смущенно крикнул.

– Мы не проиграли, – сказал он. – Отступили на занимаемые ранее позиции.

– Как отступили?.. А залги? Мы раздолбали «табакерки»?

– Не все, – осторожно ответил комвзвода. – Собственно, ты подбил единственную бронемашину.

– Как?! – все же подскочил Семен. – Почему?!

– Что-то проклятые залги придумали. Броня стала крепче, генераторы дополнительно защитили...

– А наши бронетанки? Они тоже не смогли с ними справиться?

Иваневич посуровел.

– Бронетанки были заняты другой важной задачей. Все, герой, хватит вопросов, отдыхай.

– Но залги, – не унимался старшина, – они где? Почему вы говорите, что у нас есть время на отдых?

– Залги заняли нашу прежнюю позицию. Укрепляются. Подтягивают свежие силы. Разведка донесла... Собственно, это не твоего ума дело! – Похоже, поручик все-таки рассердился. – Все, отдыхай! Документы на твое награждение переданы в штаб. – Козырнув, он покинул палату.

Семен опустил на койку. Значит, он в лазарете. Живой, выходит, остался. Повезло!.. Он зло сплюнул.

– Но-но, хорош плеваться! – донеслось сбоку. Тот самый первый голос, смутно знакомый. Старшина скосил глаза. А-а, фельдшер! Как его... Тимирязев? Мечников?..

– Ты кто такой, чтобы мне тут указывать? – нарочито строго спросил Семен.

– Я – замначальника полевого лазарета, старший сержант Мичурин, – с ехидцей ответил фельдшер. – А поскольку начальник сейчас на операциях, то я и вовсе тут главный. Так что лежи и не плюйся!

– На операциях, говоришь? – смягчил тон старшина. – Что, много наших ранило?

– Да нет, не много, – пожал плечами Мичурин. – С тобой – четверых.

Семен собрался было облегченно вздохнуть, но фельдшер добавил:

– Еще трое целехоньки, считая господина поручика...

– А остальные?! – подпрыгнул Семен, сжимая кулаки.

Фельдшер повернулся и молча вышел из палаты.

И потекли тягучие, серые, несмотря на «веселый» оранжевый пейзаж, дни. Да не один, не два, как сказал поручик Иваневич, а и три, и четыре, и пять... Обе стороны укреплялись, подтягивали новые силы, восстанавливали надорванные. По донесениям разведки, на данный момент наступило определенное равновесие, когда ни тем, ни другим не хотелось рисковать. И те, и другие чего-то выжидали, чего именно – ведомо только высшему командованию.

Преимущество «наших» заключалось, пожалуй, лишь в том, что они, как объявил старшине господин поручик, «отступили на занимаемые ранее позиции». На этих позициях полк стоял уже очень давно, успев как следует обустроиться. Помимо капитальных защитных сооружений, – рвов, проволочных и земляных укреплений, наблюдательных и огневых точек – был неплохо продуман и быт. Для господ офицеров и унтеров даже были выстроены капитальные каменные общежития. Солдаты жили хоть и в палатках, но тоже довольно комфортабельных:

теплых, четырехместных, обложенных почти на полметра дерном, привезенным из ближайшего оазиса. Имелась и баня – просторная, светлая, хоть и с каменкой вместо нормальной печи.

Но Семену все равно было тоскливо. Враг – вот он, почти доплюнуть можно, а они сидят тут, чай гоняют, в бане парятся!..

Семен жил в одном помещении с сержантами взвода. Двое из них, Серега и Димка, вернулись из последнего боя живыми – Димке лишь срезало осколком камня правое ухо, да посекло крошкой лицо, поскольку шлем с маской ему сорвало мгновением раньше. А вот третьему сержанту, Тимохе, не повезло. Как и еще восемнадцати бойцам... Теперь место Тимохи занял огненно-рыжий, веснушчатый и лопоухий Стас – недавний ефрейтор, один из солдат, что поливали ту самую «табакерку», с которой Семену пришлось познакомиться близко. Стас, в принципе, был неплохим парнем, просто еще не привык быть своим в кругу сержантов. Стеснялся пока. Но это быстро проходит на войне. Если еще быстрее не убьют.

Скучными, выматывающими бездействием вечерами не оставалось ничего другого, как заниматься добротным мужским трепом, начиная, как водится, с баб, а заканчивая устройством блока юстировки нового плазменного генератора тяжелого бронетанка. В промежутки между этими крайне важными темами попадало все остальное: недосол сегодняшнего борща, чирей на заднице командира роты (отчего тот не может вторые сутки усидеть на месте, гоняя заодно и всех остальных), ну и, конечно же, вонючие залги, не облить которых лишним раз дерьмом было бы не только непатриотично, но даже преступно.

Стас, новоиспеченный сержант, как раз и открыл в тот вечер данную тему. Сидел-сидел в уголке на койке, молчал-молчал, а потом, набравшись смелости, вдруг взял да и ляпнул:

– А залги точно на нас не похожи? Вблизи их кто-нибудь видел когда?

Все враз замолчали и посмотрели на Стаса так, будто и впрямь увидели залга. И загалдели тоже одновременно:

– Ты что, идиот? Кто ж на них станет смотреть? Не проблюешься потом неделю!

– Похожи на нас?! Да они и на тебя не похожи, хоть ты и тоже урод – с такими вопросами!

– Бляха муха, да ты врубаешься-нет, че спросил?! А ну-ка, пойдём – выйдем!

Семен, как старший по званию и по должности понял, что пора вмешаться. Встал и вмазал кулаком по столу. Так что стаканы с чаем подпрыгнули.

– Ма-а-алчать!!!

Потом повернулся к побледневшему – аж веснушки стерлись! – Стасу и ласково так, нараспев, сказал:

– Гаспа-ади-ин сержа-ант! Объясня-аю в пе-ервый и после-едний ра-аз... – Потом перешел на резкий, жесткий, рубленый тон, повышая громкость по экспоненте: – Залги – мразь! Дерьмо! Ублюдки! Не смотреть – их надо бить, давить, жечь! Клешни – рвать! Жвала – дробить!... Топтать, топтать, топтать!!! – Семен выплюнул последние слова в лицо несчастному сержанту и впрямь затопал коваными сапожищами, побагровел, затряс кулаками. Он аж задохнулся от гнева и омерзения, из глаз брызнули слезы. Потом замер, зажмурился, прижал кулаки к ушам и затряс головой, приходя в себя. Отдышался, сел и добавил совсем тихо: – Залги – это враги, сынок. И чтобы я больше такого не слышал.

Все понуро молчали. У бедного Стаса пылали оттопыренные уши. Да и лицо уже не отличалось цветом от волос.

«Черт, что со мной? – подумал Семен. – Надо же как сорвался! Первый раз со мной такое... Последствия недавнего боя, контузия? Но я ведь и раньше бывал в передрягах, еще и похлеще...» Он задумался вдруг, вспоминая. Но ничего, кроме последнего боя, вспомнить почему-то не смог. Нет, что-то мелькало в голове, какие-то обрывочные картинки: он бежит, кричит, стреляет из лучера... Или не из лучера... Из «акаэм»? Что такое «акаэм»? Пистолетная ручка, магазины, скрученные синей изолентой... Какие «магазины»? Что за «изо-

лента»? Падает Сашка – у него нету полчерепа... Бородатое лицо «чеха», рядом, близко – глаза в глаза... Кто кого? Кто быстрее? Семен оказался быстрее... Тогда – да. А потом? А еще? Новая картинка: желтые панцири в ряд, фасеточные глаза, лучеры наперевес, не бегут – спокойно шагают, уверенно, нагло!.. По его родной земле, по улицам любимого города... Хватают мать, сестренку, слышится чавканье жвал, щелканье клешней... Кровь, кровь, красное на желтом... Мразь, мерзость! Там где прошли – пустыня, покрытая липкой слизью... И снова Сашка, живой, веселый, в бандане цвета хаки на целом еще черепе. Тянет руку: «Оставь затянуться!»

Семен снова прижал к ушам кулаки, замотал головой, отгоняя видения. «Контузия, контузия!.. Это она. Завтра же покажусь Вавилову... тьфу, Мичурину! Нет, лучше самому доктору... А сейчас – пойти подышать, остыть, развеяться!..»

Старшина поднялся, надел легкую кирасу, маску – без них вне помещений находиться запрещалось категорически. Буркнул: «Прогуляюсь!» и, не глядя на примолкших сержантов, вышел.

На свежем воздухе ему и впрямь полегчало. Вечер был потрясающе красив – на востоке небо уже было усыпано яркими звездами, а западная его часть играла в стиле «Deer Purple» – от сочного, малинового пурпура у горизонта до самого настоящего, «глубокого», ближе к зениту.

А вот «Deer Purple» он вдруг отчетливо вспомнил! Даже зазвучала в ушах мелодия и завертелась на языке строчка: «I guess I'll always be a soldier of fortune».

Но допеть Семену помешали, он сразу забыл, о чем только что вспомнил... Со стороны солдатских палаток послышался дружный гогот.

«Резвятся солдатушки, бравы ребятушки!» – усмехнулся старшина и двинул в ту сторону – неплохо бы и самому повеселиться. Подошел тихо, незаметно, не хотелось своим появлением смущать солдат. Остановился в тени крайней палатки, выглянул. На освещенной тусклыми лампочками площадке собрались все бойцы взвода. Сбились в круг, машут руками, хохочут, а чего хохочут – не понять.

Пришлось Семену все же выйти из тени, подойти к ребятам. А они так увлеклись, что на старшину и внимания не обратили. «Надо будет дневальному всыпать, – не зло ругнулся под нос старшина. – Так и залгов прохочут!» Раздвинул руками крайних, протиснулся к центру круга. А там...

Он не сразу и понял, что это такое. Сарделька какая-то чешуйчатая о шести лапах! Длинная – с ногу, и толщиной такая же. Пасть зубастая, крокодилья, глазки маленькие, зеленым огнем светятся... И рядовой Красиков по кличке Карасик (вот кличку дали, а что она означает – никто не знает) над крокодильей мордой сосиской машет. А солдаты орут: «Пляши, Бобик, пляши!» И чудо-юдо правда пляшет! Прыгает, повизгивает, лапками коротенькими дергает. Смешно, и впрямь смешно.

Красиков сосиску уродцу скормил, другую достает. «А теперь пей!» – говорит. И «Бобик» этот как завоет! Тоненько, жалобно, прям рулады выводит. Солдаты ржут, чуть уже не в лежку лежат. Тут Семен и дневального увидел – тоже вместе со всеми регочет, с лучером в обнимку! Тут уж старшина не выдержал, гаркнул:

– Взво-о-од! Смир-р-рна-а!!!

Солдаты подскочили, вытянулись во фрунт, дневальный покачнулся, дернулся было к «грибку» бежать, одумался, замер... А Карасик не знает, куда сосиску девать – карманов в кирасе нету. Догадался – маску приподнял, сосиску в рот сунул. Куда чудо-юдо делось – Семен и не заметил.

– Это что за балаган? – придал он голосу строгости, чтобы не рассмеяться от всей этой картины. Да и не на что особо было сердиться, на дневального разве что. Этот-то точно свое получит. – Рядовой Красиков, чем занимаетесь во время отбоя?

Карасик не успел прожевать сосиску, но сделал героическое усилие и проглотил ее целиком, отчего голос его стал натужным и сиплым.

– Разрешите доложить, господин старшина, еще не время отбоя...

– Отставить пререкания со старшим по званию! Отвечать на вопрос!

Сосиска, видимо, благополучно покинула пищевод Красикова, отчего тот заметно приободрился, откашлялся и бодро выпалил:

– Занимаемся кормлением собаки, господин старшина!

– Чего-чего? – забыл об уставных командах Семен. – Кого-кого кормлением?..

– Собаки, господин старшина! Бобика.

– Что еще за «собака»? Почему «собака»?

– Не могу знать, господин старшина! Так само назвалось. Похоже просто.

– На что похоже? На собаку? А вы знаете, что это такое?

– Никак нет, – не по-уставному развел руками солдат. – Но должно ведь животное как-то называться... Она уж третий день, как к нам прибилась. Он, то есть. Или оно...

– Ладно, – хмыкнул Семен. – И где эта ваша собака? Покажите своего Бобика, я тоже хочу посмеяться.

– Бобик, Бобик! Сюда! Фью-ю-у! – засвистел Карасик. Бойцы завертели головами, кто-то еще негромко свистнул.

– Да вот же он! – ткнул за палатки пальцем долговязый солдат.

Семен посмотрел в ту сторону. В неверном свете догорающей «диппёпловской» зари смутно виднелся длинный силуэт с изумрудинками глаз.

– Бобик! Фьють-фьють-фьють! – обрадовались солдаты. – Давай сюда!

Но «собака» со всех шести ног рванула вдруг совсем не «сюда», а, напротив, «отсюда». Дополнительное внимание со стороны среднего командного состава показалось ей, видимо, излишним. А может быть, солдатского ора испугалась.

Несмотря на свой маленький рост, Бобик ловко перемахнул через все заграждения и слился с ночной темнотой пустыни.

– Куда же он побежал-то? – испуганно ойкнул кто-то.

– К залгам, мать их!..

– Они ж его, Бобика... – начал рядовой Красиков и замолчал. Остальные солдаты, опустив головы, тоже примолкли.

Семен лег спать в отвратительном настроении. Мало того, что перед сержантами концерт устроил, так еще и собаку угробил. По его ведь вине Бобик к неприятелю драпанул, чего уж перед собой-то юлить...

Спал старшина плохо. Снились залги, рвущие на куски кривыми острыми клешнями длинную живую сардельку. Рядовой Красиков качал головой и приговаривал: «Эх, господин старшина, разрешите доложить – вы скотина!» «Да знаю я, знаю!» – хотел ответить Семен, но вместо Карасика перед ним уже стоял Сашка в любимой своей бандане и, затягиваясь хабариком, шурился: «Что, и здесь „чехи“ достали?» «Я сам себя достал, Саня», – отвечал Семен другу.

К доктору он так и не пошел. И даже дневального за вчерашнее не стал наказывать. Зато вечером его снова потянуло к солдатским палаткам.

Еще на подходе он услышал возбужденный радостный гомон. Сердце прыгнуло к горлу. Неужто вернулся, крокодил собачачий?

Семен прибавил шаг и застал почти вчерашнюю сцену: тот же круг солдат на том же месте, только дневальный на сей раз стоит, где ему и положено – под «грибком», но шею тянет, паразит!.. Заметил старшину, собрался гаркнуть: «Смирно!», но Семен его опередил, погрозил кулаком

Теперь уж старшина подошел и вовсе осторожно – боялся спугнуть Бобика. Шепнул на ухо крайнему бойцу:

– Вернулся?

– Так точно, господин старшина, вернулся, – тоже шепотом ответил солдат.

Стоявшие рядом услышали «старшину», заоборачивались, расступились. Снова оказался Семен перед Бобиком и рядовым Красиковым. Только в руках у Карасика была теперь не сосиска, хоть и тоже что-то длинное. А поза солдата выражала крайнюю озабоченность. Да и все остальные, хоть и радовались возвращению друга, но никто не смеялся как вчера.

– Что там, Красиков? – негромко спросил Семен.

– Разрешите доложить... – вытянулся солдат.

– Отставить, – перебил старшина. – Говори нормально, разрешаю.

– Так это, вернулся наш Бобик! – начал Карасик. – Жив, здоров.

– Значит, не добежал до залгов, – кивнул Семен. – Молодец!

– Да нет, как раз добежал... – отчего-то замялся Красиков. – Вот! – Он протянул старшине то, что держал в руке.

Это был лист бумаги, свернутый в трубочку. Изрядно помятый, к тому же, и грязный.

– Что это? – Семен брезгливо дернул носом, благо под маской его мимики все равно никто не мог увидеть. – Чего это ты мне суешь? – Взять в руки грязную бумажку он даже не подумал.

– Так это... – затряс трубочкой рядовой Карасик. – На шее у Бобика было привязано. Письмо от залгов...

– Что-о?! – Забыв о брезгливости, старшина выдернул из рук солдата бумагу. – А ну, расступись от света!

Солдаты зашевелились, освобождая путь слабым лучам сороковатной лампочки.

– Там пишут... – начал было Красиков, но Семен резко его оборвал:

– Я умею читать!

Развернув мятый листок, он уставился в неровные строчки. Их было не так и много; Семен уже пробежал коротенький текст пару раз глазами, но смысл написанного все еще не доходил до него...

«Грязные, подлые олроги! Убирайтесь, пока не поздно, в свои вонючие болота, красные жабы! Оставьте в покое наш город! Все равно вам его не видать! Идите прочь, лупоглазые уроды, пока вы еще не захлебнулись своей кровью и слизью!» – говорилось в письме. А ниже, уже другим, не менее корявым почерком, была сделана приписка: «Если тронете Жучку, будете жрать свое дерьмо, запивая мочой, или что там у вас вместо них!» Еще ниже стояла подпись: «Защитники Родины».

До старшины дошел наконец смысл написанного. Вернее, не смысл даже, – его понимать рассудок отказывался – а осознание того, что эти слова и фразы предназначались им... Им – славным солдатам, бесстрашным, самоотверженным бойцам, патриотам Родины, не жалеющим жизни!..

Семен почувствовал, что начинает входить во вчерашнее состояние. Еще немного, и он бы снова начал визжать, брызгать слюной, размахивать руками... Собрав всю свою волю в кулак он глубоко вдохнул. Еще. Еще раз... Красная пелена перед глазами немного рассеялась.

– Кто это писал? – Старшина кончиками пальцев, за уголок, словно использованный пипифакс, поднял листок. Голос его хоть и звучал ровно и тихо, но явно не предвещал ничего хорошего.

– Так это... – промямлил рядовой Красиков. – Залги же...

– Залги?! – зловеще переспросил Семен. – Ты хочешь сказать, что эти вонючие насекомые умеют писать по-нашему?

– Так ведь... Вот!.. – выдохнул Карасик, кивнув на письмо, дрожавшее в пальцах командира.

– А мне кажется, – зашипел старшина, – что среди нас завелся шпион, провокатор, изменник!.. – Он затряс листком, а потом судорожно начал рвать его на мелкие куски. Лишь когда от письма не осталось кусочка крупнее копеечной монеты (что это такое он прекрасно сейчас помнил), Семен мысленно выругался. Ведь подлеца, точнее – двух подлецов, было бы так просто вычислить по почерку! Но дело сделано, гнусные обрывки уже уносил легкий ночной ветерок.

– Кто? Это? Написал? – вырубил Семен три слова-льдинки из окружавшей его ледяной тишины.

– Господин старшина! – взмолился все тот же Карасик. – Ну это точно залги! Почему по-нашему – не знаю, видать, учат их специально, чтобы нам досаждать... Только они это, точно! Бобик с той стороны прибежал!

У Семена в мозгу словно вдруг что-то щелкнуло. Гнев неожиданно прошел, зато появилась отличная идея.

– Рядовой! – хлопнул он по плечу стоявшего рядом солдата. – Боевой шлем! Живо!

– Слушаюсь! – козырнул солдат и нырнул в ближайшую палатку.

– Эй! Только не мой! – завопил кто-то, но на него зашикали со всех сторон, и снова стало очень тихо. Слышалось лишь шумное дыхание замершего в центре людского полукруга Бобика.

Из палатки выскочил солдат. Семен взял у него шлем, перевернул, сунул внутрь руку и, повозившись немного, достал гарнитуру ближней радиосвязи.

– Держи собаку! – приказал он Карасику.

Тот опустил на корточки, погладил Бобика по зубастой голове и взялся за передние лапы. Старшина подошел к шестилапому уродцу и застегнул на чешуйчатой шее наушники. Отвел кверху микрофон, чтобы животное не смогло дотянуться до него лапой, и скомандовал Красикову:

– Отпускай!

Едва рядовой разжал руки, Семен хлопнул в ладоши, свистнул, заулюлюкал. Бобик вздрогнул, присел, испуганно сверкнул зелеными огоньками и помчался, как и прошлым вечером, в сторону черной пустыни, перепрыгивая через все заграждения.

Бойцы повернули в сторону командира маски. Но задать висевший на языках вопрос первым никто не осмелился. Старшина хмыкнул.

– Сейчас мы узнаем, кто написал эту... порнографию! Еще шлем!

Давешний рядовой снова прыгнул в палатку и уже через пару-тройку секунд протягивал боевой шлем Семену. Тот, понимая, что солдат заест любопытство, не стал надевать устройство, а лишь выдвинул наружу микрофон и настроил на максимальную громкость наушники. В них сразу послышалось шумное дыхание «собаки» и топот ее коротких лап.

Вскоре раздались и отдаленные выкрики. Бобик совсем по-собачьи тявкнул. Голоса приблизились. То есть, скорее, это Бобик приблизился к ним. Совершенно отчетливо прозвучало: «Жучка! Жучка, Жучка, фьють-фьють-фьють!»

Столпившиеся вокруг старшины солдаты зашевелились, кто-то шепнул:

– Это кто Жучка? Это Бобик – Жучка? Вот уроды...

Парню пихнули локтем под ребра, и тот прикусил язык. Все еще ниже склонились к шлему. Задние отчаянно тянули шеи.

«Ребята, Жучка вернулась!» – послышалось из наушников. Семен начал расплываться в торжествующей улыбке, хоть веселиться как раз повода не было. В полку – предатель, и даже не один. Он оказался прав, никакие это не залги! Но голоса из шлемофона понесли вдруг откровенную чушь: «Вернулась, Жученька! Не съели тебя слизкие жабы! Не по вкусу им наша собаченька... Ребята, а это еще что?.. Так это ж наушники с микрофоном!.. Гарнитура из шлема... Признавайтесь, кто этот остряк?»

Зазвучали неясные возмущенные голоса, Семен разобрал лишь произнесенное пару раз: «Олроги!». Он вспомнил, что именно так обращались к ним в грязной бумажке... Но сразу забыл про это, потому что из наушников понеслось совсем интересное: «Ты что, дурак? Откуда у олрогов наши шлемофоны? Это кто-то из своих приколся... Узнать бы кто – задушить мало!..»

– Ну, ладно, хватит ломать комедию! – поднес Семен к губам микрофон. – Доложить звания и фамилии! Все равно вычислю подлецов! Но тогда хуже будет...

– О-па, а это еще кто? – послышалось с той стороны эфира. – Славка, ты, что ль, прикалываешься?

– Я тебе... – начал было Семен, но тут он чуть было не застонал вслух от собственной глупости. Ведь есть же... Он быстро натянул на голову шлем и вывел на дисплей нужную информацию: расстояние до объекта связи, направление...

Старшина сдернул шлем так быстро, словно туда заползла змея. Маска на его лице съехала в сторону, и солдаты увидели, как мелко трясутся губы замкомвзвода. А еще эти губы шептали: «Залги... Это залги!..»

«Как же так?! – лихорадочно пронеслось в мозгу. – Почему залги говорят по-нашему? Почему у них такие же имена? Нет, нет, этого не может быть! Это провокация! Мерзкие твари хотят заморочить нам голову, сбить с толку, а потом подло напасть!.. Долго ли выучить язык, разыграть сцену?.. Они хотят лишить нас достоинства, чести... Хотят поиграть с нами, посмеяться, унижить... Хорошо, поиграем! Только по нашим правилам!»

Семен снова поднес микрофон к губам, которые больше уже не тряслись.

– Кто писал письмо? – жестко спросил он.

– Что, жаба, умеешь читать? – ответили, спустя долгую паузу. Видимо тоже поняли, с кем ведется радиосвязь. – И по-нашему квакать наловчилась? – Старшина услышал, как сквозь наушники скрипнули зубы. Или, точнее, жвала...

– Слушай меня, гнида, – тоже скрипнул зубами Семен. – Ты посмел оскорбить... – «Перед кем я выкаблучиваюсь?!» – вдруг мысленно сплюнул он и закончил так: – Завтра на рассвете тот, кто писал письмо, или тот, кто сейчас тьякает, пусть выходит в пустыню, посередине между позициями. Один. Без оружия. Если не трус. Сразимся врукопашную. Ответишь за все, гнида!

Старшина так сжал микрофон, что электронное устройство хрустнуло. Отбросив шлем, быстро зашагал к казарме.

Уснуть Семен, конечно же, не смог. Лежал с открытыми глазами и думал, не совершает ли глупость. Нет, он абсолютно не боялся проиграть в поединке клешнявому желтому таракану. Такого случиться не могло! Плохо то, что он бросил, не подумав, вызов чести существу, у которого этой чести не может быть по определению. Факт, что слизняк приползет не один. И все будут вооружены. Наверняка захватят его, приволокут к себе, попытаются допросить, – тут им, конечно, обломится! – а потом сожрут.

Но не прийти, или прийти не одному, или с оружием!.. Нет, Семен так тоже не мог. Ведь у него-то имеется честь! Конечно, залгам на это плевать... Но сам-то он как потом станет жить, поступившись ею однажды?

Промучившись так до тех пор, пока на востоке не начали блекнуть звезды, Семен вскочил с койки, плеснул в лицо пригоршню холодной воды, натянул легкую кирасу, маску и твердым шагом направился в сторону заграждений.

Вчера все солдаты взвода слышали, разумеется, его разговор. Само собой – все восхищались решением старшины, завидовали его смелости, гордились его самоотверженностью и патриотизмом. Поэтому часовые разом повернулись спинами, сделав вид, что внимательно наблюдают за чем-то очень важным в глубине собственных позиций, когда он проходил мимо постов.

Еще издали Семен увидел неподвижную фигуру залга, освещенную первыми лучами солнца, отчего панцирь врага стал таким же красным, как у него самого. Это очень не понравилось старшине. Зато, похоже, залг все-таки пришел один. Нет, не один! Не совсем один... В небольшом отдалении, теперь уже посверкивая не зелеными, а тоже алыми в отблесках восходящего светила глазами, стоял Бобик. Оба, – урод и уродец – не отрываясь, смотрели на спешившего к ним Семена.

Залг возвышался, широко расставив нижние конечности, сложив на груди клешни. Изда-лека он очень походил на человека... Но клешни... И эти огромные, в полморды, фасеточные глаза, переливающиеся в солнечных лучах всеми цветами спектра!.. Однако чем ближе подходил к врагу старшина, тем более сильные сомнения стали одолевать его. Очень уж похожи были пресловутые клешни на краги, почти такие же, как его собственные. Только перчатки Семена напоминали больше хищную когтистую лапу...

Старшина подошел почти вплотную к залгу и остановился. Никогда еще столь близко он не встречался с врагом. Захотелось, невзирая на отвращение, как следует рассмотреть эту мерзкую морду. Эти глаза, эти кривые, зазубренные жвала... Да нет же! Теперь, с двух-трех шагов, он отчетливо видел, что большие радужные глаза – это всего лишь очки на желтой металлической маске, что жвала – всего лишь украшения ее же... Какой же отвратительной должна быть настоящая морда насекомого, если ее приходится прятать! А что, если...

– Скинем маски! – крикнул Семен, стряхивая с рук краги, и сдернул с лица красную гнутую пластину с очками. – Посмотрим друг другу в глаза!

Залг на мгновение оторопел, вынул руку – человеческую руку! – из клешнистой краги и медленно поднес ее к блестящей на морде позолоте. Так же медленно стянул маску и отбросил на песок.

Серые прищуренные глаза с усмешкой смотрели на Семена. Бандана защитного цвета делила загорелый лоб пополам – примерно по этой черте его и разделил когда-то осколок чеченского снаряда. Теперь голова Сашки была снова цела и уже откровенно радостно и ослепительно белоснежно скалилась на ошалевшего старшину.

– Семка, закурить не найдется? Нам не выдают, бляха муха!

Друзья сидели на рыжем песке, прижавшись лбами, положив руки на плечи друг другу, очень-очень долго – светило успело вкатиться высоко на небо, и даже спрятаться за грязно-желтыми облаками. Говорили мало. Когда утихли первые эмоции, выяснилось, что рассказать им особо и нечего. Они вспомнили друг друга, но и только. Кем они были раньше, как оказались тут – все это оставалось загадкой. Ясно лишь стало одно – мир перевернулся. Нет ни залгов, ни олрогов – люди воюют с людьми, друзья с друзьями, братья с братьями. Это было нелепо, чудовишно, но так было. Почему так случилось – не знали, не догадывались ни Семен, ни Сашка.

Старшина наконец оторвался от друга, взгляд его снова скользнул по бандане. В мозгу вновь пронеслась картинка: Сашкина голова без верхней половины...

– Сними-ка бандану, – сказал он пересохшими губами.

– Зачем?

– Сними.

Сашка сдернул зеленоватую тряпку с русого ежика волос. Вопросительно улыбаясь, глянул в глаза Семена.

– Что?

– Что-то вспомнилось... «Чехи»... – Семен чиркнул себя по лбу рукой.

– «Чехи»? – нахмурился Сашка. – Я иногда вас так называл... Ну, здесь... – Он неопределенно повел вокруг рукой.

– Я тоже, – кивнул Семен. – Вас... Слушай, кому это все-таки надо? Чтобы мы убивали друг друга?

– Им. – Друзья услышали это одновременно, хотя никто из них не раскрывал рта. Да и «услышали» – не совсем то слово. Во всяком случае, уши не имели к случившемуся никакого отношения. Слово возникло прямо в головах.

– А? Что? – Сашка с Семеном вскочили на ноги и заозирались вокруг. Кроме Бобика-Жучки никого рядом не было. Зато «псина» смотрела на них неотрывно.

– Надо. Им. – Отчетливо раздалось в головах снова. А «собака» вдруг отвернулась и уставилась куда-то вдаль.

Семен машинально посмотрел туда же. До самой линии горизонта – одна лишь пустыня. А далеко за ней торчала над самыми облаками макушка ажурной башни.

– Там... город... – прошептал Семен, не вполне понимая, кому он это говорит.

– Наш город... – эхом откликнулся Сашка.

– Город. Нет. – Отпечаталось в головах. – Башня. Да.

«Собака» снова повернулась к друзьям. В ее глазах по-прежнему сверкали изумруды.

– Это... ты?! – ахнул вдруг Сашка. – Жучка, это ты говоришь?!

– Я.

– Бобик, ты кто, елы-палы? – Семен чуть не сел на песок.

– Я. Здесь. Жить. Мы. Здесь. Жить. Они. Придти. Заставить. Вы. Убивать. Мы. Негде. Жить.

– Кто «мы»? Кто «они»? – воскликнули друзья разом.

– Мы. Здесь. Жить. Всегда. Они. Придти. Далеко. Чужие. Плохо. Вы. Чужие. Хорошо. Помогать. Мы. Вы. Помогать. Вы. Мы.

– Вы – местные, я так понял? – почесал ежик Сашка. – А мы тогда кто? Там же наш город!

– Наш... – встрял было Семен, но махнул рукой. Ничего он больше не понимал.

– Город. Нет. Вы. Чужой.

– Значит, ты говоришь: там никакого города нет, а мы здесь чужие? Тогда это что? – показал Сашка на верхушку башни.

– Они. Смотреть. Вы. Убивать.

– Что?! – разом вскрикнули друзья. – Кто-то любит, как мы здесь друг дружку рубим?

– Правильно.

– Ни хрена не правильно! – рубанул рукой Сашка.

– Что нам делать-то, скажи! – присел перед крокодилей мордой Семен. – Как помогать мы – вы, вы – мы?

– Мы. Думать. Все. Вы. Думать. Один. Один. Один. Много. Один. Плохо. Мы. Вы. Думать. Вместе. Хорошо.

– Коллективный разум, что ли, у вас? – выплыло откуда-то у Семена. – Полезная штука! А мы не только думаем по одному, так еще и не помним ничего! Кто такие, откуда, почему?.. Может, если бы вспомнили, то и вам бы помогли. Да и себе заодно!..

– Мы. Помогать. Вспомнить. Вы. Надо. Хотеть. Все.

– Ёшкин кот, – вновь зашебуршил по русому ежику Сашка. – Мы-то хотим! Мы вот, с Сенькой. А остальные не только не хотят, но и не знают, что надо хотеть! Мы сами до утра не знали.

– Ты. Ты. Сказать. Все.

– Ага! Скажешь всем!.. Расстрел на месте по законам военного времени! За измену Родине. – Сашка сплюнул.

– Аналогично, – кивнул Семен. Подумал немного и спросил у Бобика: – Слушай, ты говоришь, что вас много. А где остальные?

– Прятаться. Далеко.

– Хорошо, если нас станет много... ну, готовых к объединению, так сказать, с вами разумами, как мы вас соберем?

– Я. Вы. Вместе. Бобик. Жучка. Собака. Смотреть. Знать.

– Ага, понятно! Ты, значит, пока с нами. – Сашка снова завязал бандану. «Ему сейчас только „акаэма“ не хватает!» – плеснулась мысль в голове у Семена. И сразу погасла. Старшина поморщился:

– Саня, как-то своим все равно рассказать надо.

– Не поможет рассказ. Вспомни хоть себя вчерашнего!

Сашка был абсолютно прав. Еще вчера Семен убил бы любого, рассказавшего подобную ересь: залги – друзья, они такие же, как мы! Вспомнил, как за более невинный вопрос чуть не избили сержанта Стаса... А сам-то он что тогда орал? Семен даже покраснел от чувства жгучего стыда. И чуть не заплакал от досады... Ведь спасения ждать неоткуда! Так и будем убивать друг друга, если сами же себя не спасем. И бобиков-жучек, вон, тоже надо спасать. А с настоящими гадами – узнать бы еще, кто они такие – разобраться, как следует!.. Наблюдатели хреновы. Устроили шахматы живыми людьми. Ничего, не на тех напали! Они же, вот, с Сашкой разобрались, кто здесь друг, а кто враг. И другие смогут!..

«А ну-ка!» – озарило вдруг старшину. Он улыбнулся Сашке, положил ему ладонь на плечо и, как бы между прочим, спросил:

– Не знаешь, когда наступление?

– Точно нет, но говорят, скоро. Сил вроде набрались. А что?

– Есть идея. Ты кто по званию-должности?

– До прапорщика дослужился. Не такого, как у нас. Здесь это – как младший летеха по-нашему.

– Ага! «У нас», «по-нашему»... Тоже что-то помнишь!..

– Ну, да, – провел рукой по бандане Сашка, будто проверяя целостность черепа. – Вспоминается что-то, особенно, когда не специально. А как специально вспоминать начинаешь – ни фиги!

– Ладно, прапорщик. Ты ведь замкомвзвода, наверное?

– Ну, да...

– Тогда слушай сюда! И ты, Бобик, тоже.

Награду за последний бой Семену все же вручили. Перед боем нынешним. Сам комполка прикрутил к алой кирасе темно-малиновый кругляш.

– Слава герою! – рявкнул торжественный строй готовых к бою солдат.

Подошел Иваневич. Пожал руку.

– Как себя чувствуешь, герой? Готов к новым подвигам?

– Так точно, готов, господин поручик!
– Сегодня мы снова выступим первыми. Разведка донесла, что залги сначала тоже выпустят пехоту. Так что полегче будет, чем в прошлый раз.
– Разрешите обратиться, господин поручик! – Семен выпучил под маской глаза.
– Разрешаю, старшина, – удивился Иваневич.
– Позвольте сегодня мне командовать взводом!
– Вот как? Совсем себя героем почувствовал?.. – В голосе поручика слышалось недовольство, но тут же сменилось на милость: – Впрочем, почему бы и нет? Ты – замкомвзвода, надо практиковаться... Валяй, разрешаю!
Семен облегченно вздохнул. Первое дело сделано.

Противники сходились красиво, ровными рядами, словно на параде. И те, и другие одурели уже от безделья – в бой шли, как на праздник. Кирасы блестят, лучеры наперевес, солдаты носок тянут...

Между первыми рядами было уже метров сто, а стрелять так никто и не начинал. Но терпение бойцов не бесконечно. Вот уже кто-то поднял лучер на уровень глаз, прицелился. Еще чуть-чуть – и раздастся шипение, раздадутся первые крики, запахнет паленым... Но первый крик не был криком боли:

– Бобик!

Еще несколько голосов подхватили:

– Бобик, уходи!

А вот и с другой стороны:

– Жучка, беги! Прячься, собачка!

– Ребята, да она не одна!..

И впрямь, возле непонятно откуда вынырнувшего – прямо посередине меж сближающихся рядов – Бобика-Жучки появилась вдруг еще «собака». Потом еще и еще... Быстро, быстро, очень быстро!.. Они словно выскакивали из-под песка, – да так оно, скорее всего, и было – отряхивались, ложились и замирали, поглядывая то на «желтых», то на «красных». Скоро шестипалых созданий лежало между двумя армиями столько, что идти солдатам дальше, не наступив на «собак», стало попросту невозможно.

И тогда Семен сделал шаг вперед, заметив краем глаза, что так же шагнул и один из «залгов», поднял руку и зычно, перекрывая начавшийся ропот, крикнул:

– Взво-о-од! Слушай мою команду!

Точно такая же фраза донеслась эхом от «вражеских» рядов. Семен узнал голос, улыбнулся и гаркнул что есть мочи:

– Взво-о-од! Снять маски! – И первым отбросил шлем в сторону.

Гуси-лебеди

*Гуси-лебеди летели
По-над полем, по-над полюшком,
По-над реченькой, по-над чистою...*

Я стою на берегу тихой речки, юная и наивная, подняв голову к белокрылой стае. Стою и пою, и шепчу заворуженно:

*– Гуси-лебеди, птицы белые!
Вы – чудесные, вы – волшебные!
Подарите мне волшебства чуток —
Дайте, птицы, мне жизнь легкую!*

Минуло уж двадцать лет – промелькнула белой птицей юность. А гуси-лебеди все летят в моей памяти. Ведь исполнили они мою просьбу: так, как мне легко – легче не выдумать! Все эти годы, большую их часть, я не имею веса.

Я – гравитолог. И на станциях, где я работаю, никогда не используют установки искусственной тяжести. Это помешало бы сверхчувствительным приборам, которыми я исследую гравитационные поля планет.

Вот и сбылась мечта, хоть и не так совсем, как она представлялась. Но я ни о чем не жалею. Я люблю свою работу, разноцветные лики планет, наблюдения и вычисления, сомнения и озарения, люблю парить птицей по коридорам станции, люблю мечтать, писать стихи в перерывах между вахтами...

*Облака белокрылою птицей
Проплывают сегодня внизу.
Я всегда к ним привыкла стремиться,
Тосковала по ним я в грозу,
Я скучала по ним в ясный полдень
И в алмазную звездную ночь...
Все свершилось, этап этот пройден —
Притяженье отринула прочь
И взметнулась я к ним на свиданье,
Но мечту я пробила, как дым...
Снова я на большом расстоянии,
И опять я тоскую по ним.*

Нет, по этим облакам я не тоскую. По тем, что сейчас внизу. Они не белые – оранжевые, желтые, коричневые, красные. И ядовитые – аммиак, метан. Планета Ряга – двойник Юпитера, лишь чуть больше его по размеру. Только разделяют ее с «братцем» почти шесть световых лет – Ряга вращается вокруг знаменитой летящей звезды Барнарда. Сама звезда – красный карлик, ее радиус в шесть раз меньше солнечного, и для меня она ничего интересного не представляет. Ряга – другое дело. Она обладает крайне нестабильным гравитационным полем.

Моя станция, по сути, – кусок толстой и длинной трубы. Звездолет «Вадим Нестеров» сбросил нас с ней над Рягой, а сам отправился дальше, по своим важным звездолетовским

делам. И пока он не полетит назад, я так и должна была болтаться в этой трубе полгода, за которые и планировала успеть сделать все наблюдения и измерения.

Станция снабжена очень слабенькими ионными двигателями – только для небольших корректировок орбиты. И когда Ряга выкинула свой первый фокус, я первый раз серьезно задумалась о смерти. Тогда притяжение Ряги просто пропало! Я смотрела на приборы и думала, что они отключились. Но «отключилась» Ряга. А станция стала медленно, но верно улетать в открытый космос. Я включила ионники, но понимала, что долго на них на орбите не продержаться – запаса топлива хватает на сорок восемь часов непрерывной работы. А если бы меня унесло от планеты, то могла легко подхватить звезда Барнарда, и что было бы тогда – я посчитать так и не успела.

Но в тот раз пронесло. Ряга вновь обрела гравитационное поле, так же мгновенно, как с ним и рассталась. Но такого быть не могло в принципе, и я стала догадываться о причине. Поле не пропадало – оно видоизменилось!..

Впрочем, что это я! Какое это теперь имеет значение? Ведь сейчас Ряга позвала меня в гости... Она «тянет» к себе станцию очень плавно, почти нежно, но настойчиво. Уже третий день. Я еще жду, когда ей надоест играть со мной – но, честно говоря, уже потеряла надежду.

Ионники включены на максимальную мощность, но это ничего уже не даст – топлива почти не осталось. Я медленно падаю в Рягу. А скоро начну падать быстро. Интересно, я успею сгореть, или Ряга меня раздавит?

Первый раз я подумала об этом вчера. И сразу вспомнила древнюю книжку – «Путь на Амальтею» Стругацких. Я вообще люблю фантастику конца двадцатого века – она такая наивная, легкая, добрая... А в той книжке все так похоже на мое теперешнее положение – там планетолет падал в Юпитер. Но у него все же был двигатель, хоть и с аварийным отражателем, и герои книги его все-таки починили. И спаслись. Мне же чинить нечего. А так – совпадений много. Даже в названии книги, да и по тексту, фигурирует Амальтея – спутник Юпитера. А ведь Амальтею открыл не кто иной, как Барнард...

Единственное, что я смогла сделать, это послать сигнал «SOS». Двусторонняя гравитонная связь отказала, как только Ряга начала чудить. Она ведь как раз и «игралась» гравитонами, на которых работает приемопередатчик! Поэтому «SOS» я отправила в радиоволновом диапазоне. До Земли он дойдет почти через шесть лет, до «Нестерова» – раньше, но уже когда тот полетит сюда сам. Надеяться на чью-то еще помощь лучше не стоит – космос отнюдь не кишит звездолетами, их и всего-то пока шесть. Разве только Братья... Но я сама-то хоть чуточку верю в это? Конечно, нет. В самих Братьев, разумеется, верю – нельзя отрицать очевидного, – а вот в то, что они услышат меня и придут на помощь... Я скорее поверю, что сюда прилетят все шесть земных звездолетов разом! Нет, о спасении извне нечего и мечтать. Меня может спасти только сама Ряга. И то теперь только если «включит» антигравитацию! Ведь даже если она полностью «уберет» поле, как в первый раз, я по инерции буду продолжать лететь в нее – топливо в ионниках только что кончилось. А значит – спасения нет и быть не может.

Я уже ничего не исследую. Только смотрю на красно-коричневые облака Ряги, которые становятся все ближе и ближе. «Красно-коричневые»... Этот термин тоже из двадцатого века, я знаю. Это что-то очень-очень плохое и страшное! Как ядовитые облака Ряги. А вот оранжевые облака – совсем как пламя! Тревожное пламя пожаров. Желтые – это листья в осеннем лесу. Я не люблю осень. Не любила... Именно в эту – воспетую поэтами, – золотую пору. «Унылая пора, очей очарованье!» Да, очень унылая! Когда я смотрела на желтые листья, то

чувствовала, как тоска и безысходность сжимает сердце. Наверное, уже тогда моя душа знала, как все будет...

*К листьям не ведаю жалости!
Мокрые, желтые, кислые...
Символ тоски и усталости,
Знак увядания быстрого.
Лучшие уж ветры с морозами —
Звонкие и бесшабашные!
Если листья — то лишь с прозою
(Само собою — бумажные).*

Облака-листья, облака-пожары, облака-грязь, облака-кровь... Нет только белых облаков моей мечты. Где же вы, гуси-лебеди?

Я падаю в чужие облака. Мне страшно. Мне очень-очень-очень страшно! Где же вы, гуси-лебеди?

Как я умру? Я сгорю в облаках-пожарах, или меня раздавят облака-грязь? Засыпят облака-листья, или зальют облака-кровь? Мне страшно, мне страшно, мне страшно! Где же вы, гуси-лебеди? Теперь я знаю, что совсем не то попросила у вас в юности. Совсем-совсем-совсем не то...

*Гуси-лебеди, птицы белые,
Прилетите ко мне, волшебные!
Подарите мне волшебства чуток —
Дайте, птицы, мне смерть легкую!*

(В рассказе использованы стихи автора)

Желтый аспид

А кто сказал, что путешествия во времени безопасны? Никто не говорил.

Даже если перемещаться только вдоль оси времени, и то неизвестно, что окажется в этой точке пространства тридцать веков назад. А триста? А три тысячи? Казалось бы, это достаточно просто рассчитать. Не тут-то было! Надо учитывать столько факторов, что все равно чего-нибудь не учтешь. Да и надо ли? Ведь потом придется лететь к Земле, которая может оказаться к тому времени за сотни парсеков. Точнее – была там, если речь идет о путешествии в прошлое.

Поэтому и приходится двигаться сразу по временной и пространственной осям, оставаясь, по сути, в одной и той же точке относительно земной системы координат. Но это в идеале. На самом деле перемещения в пространстве все равно неизбежны, особенно если речь идет о десятках и сотнях веков. Ведь энергия для такой «привязки» берется от магнитного поля Земли, а оно крайне неустойчиво и непостоянно. Меняются полюса, «скачет» напряженность поля. За века с ним происходит многое. В этом и заключается главная опасность. Потеряв направление силовых линий, процесс хронтования становится неуправляемым, и хорошо если капсула просто «вывалится» не в том месте и времени, но бывает куда хуже. Вот, как сейчас.

Лан понял, что авария неминуема, сразу, еще до сигнала тревоги, как только генератор начал «фонить». Распыленные в атмосфере хронтоны создали эффект белых ночей в достаточно низких для этого широтах в середине первой декады июля. Одна тысяча девятьсот восьмидесятого года. Так показывал хроносчетчик. Внешний. Четвертое, третье, второе июля... Ночи все светлее и светлее. Первого числа Лан дожидаться не стал и катапультировался. Успел вовремя, хотя это было не так-то просто. Внутренний хроносчетчик отсчитывал не сутки, а миллисекунды, хотя для хроногенератора сейчас они были равны.

Первого июля Лан находился еще слишком близко от капсулы и, в ожидании взрыва, успел лишь проститься с жизнью. Очень коротко, почти односложно. Но генератор взорвался тридцатого июня, и Лан уцелел.

Но уцелеть от взрыва – это еще не все. Теперь, без капсулы, а значит и без ее хроногенератора, нужно было «затормозить» во времени, потому что инерция продолжала нести Лана в прошлое. И такой полет вне капсулы мог закончиться очень плачевно – тем же распылением на хронтоны, только теперь уже самого Лана.

У хрононавтов имелся аварийный генератор торможения. Был он и у Лана. Но одно дело тормозить уже на подлете к цели, когда скорость достаточно мала, и совсем другое – почти в середине пути. До намеченной цели Лану оставалось больше двухсот веков, поэтому скорость была что ни на есть крейсерской. И энергии аккумуляторов для полного торможения конечно же не хватило. Пришлось расходовать свою собственную энергию. И вот ее, к счастью, оказалось для торможения достаточно. Но, увы, не с избытком. Только-только. Жалкого остатка хватило лишь на поддержание мыслительных процессов в самом примитивном теле – даже без конечностей. Лан представлял сейчас из себя десятимиллиметровый в диаметре жгутик длиной шестьсот пятьдесят миллиметров. Разумеется, пластиковый, поскольку Лан, конечно же, был пластофором.

Лан довольно быстро пришел в себя, оценил ситуацию и понял, что дела его никуда не годятся. Пожалуй, лучше бы ему было не катапультироваться. В нынешнем состоянии он мог протянуть от силы неделю. И то если не шевелиться. О том же, чтобы передать аварийную хронограмму, не могло быть и речи.

Впрочем, все пока казалось поправимым. Двигаться Лан мог, стало быть оставалось одно – найти источник пополнения энергии и строительного материала для более приемлемого тела. И тем, и другим для Лана, как и для прочих пластофоров, был, разумеется, пластик.

Плохо, что Лан почти не помнил реалий века, куда его сейчас выбросило. Он даже не знал, в какой именно год попал. Прикинув «на глазок», Лан пришел к выводу, что сейчас примерно середина девятнадцатого века. Плюс-минус десять лет. Конечно, как любой хрононавт, Лан углубленно изучал историю, но нельзя объять необъятное! Тем более, специализировался он по куда более ранним векам. И все же, напрягши память, Лан вспомнил, что примерно в это время пластмасса уже вошла в обиход. Правда, сказать, сколько именно десятилетий, а уж, тем более, лет составляет это «примерно», он, к сожалению, не мог. Но отчаиваться все же не стал.

Для начала Лан огляделся. Березовая рощица, ручеек, травка, желтая пыльная дорога наискосок через луг. Дорога ведет к маленьким темным домикам. Впрочем, есть и большие постройки. Целых две. Одна приземистая, другая высокая. Обе – белого цвета. Причем вторая – с крестообразной конструкцией на крыше, что вселило в сознание Лана оптимизм. Если это антенна, то с хронологией он не ошибся, и здесь уже должны быть знакомы с пластмассой.

Лан подумал, что ему лучше предпринять: двигаться к селению, или дожидаться, пока кто-нибудь прибудет сюда? Раз есть дорога – значит по ней ездят. Или, как минимум, ходят. Но как часто? Пока еще, за те четырнадцать минут, что Лан находился тут, ничто не потревожило дорожную пыль. Но ползти самому – а до ближайшего здания было километра два с половиной, – это тратить столь дефицитную в его положении энергию.

И Лан решил подождать. Сорок шесть минут. Но для начала он переполз на обочину дороги, а чтобы не выделяться на ее желтоватом фоне, пожелтел и сам. Теперь его можно было увидеть, лишь подойдя вплотную.

Заняв новую позицию, Лан снова огляделся. К сожалению, для экономии все той же энергии, пришлось отказаться от универсального зрения, так что изменить фокусное расстояние хрусталиков он не мог. Но и обычного оказалось достаточно, чтобы заметить светлое пятнышко, отделившееся от приземистого белого здания идвигающееся вдоль дороги. Когда пятнышко стало больше, Лан понял, что это клубы пыли, развевающиеся за повозкой, которую тянула пара крупных животных, судя по всему, лошадей. Вскоре стало возможным разглядеть и людей, сидящих в повозке. Их было двое, мужчина и женщина. Лан собрался. Сейчас все зависело от того, хватит ли ему энергии на то, чтобы прыгнуть, ворваться в ротовую полость человека, пробить небную перегородку и проникнуть в мозг. Должно было хватить. Нужно, чтобы хватило! Придется отказаться от подключения ко всей памяти этого человека и ограничиться лишь знанием языка и контролем над двигательными функциями тела. Конечно, причинять вред человеку – это преступление, но иного выхода не было. К тому же, уверял внутреннего самообвинителя Лан, вред будет минимальным и временным. Всего лишь до тех пор, пока он не пополнит запасы энергии. Тогда он компенсирует все повреждения, нанесенные человеку сполна – еще и подлечит его, произведет полную очистку организма, заменит изношенные органы на практически вечные пластиковые аналоги.

* * * * *

Мирон смотрел вслед удаляющейся бричке и плакал. Слез он давно не стеснялся, да и кому интересны слезы крепостного? От него требуется одно – работать. Пахать, сеять, жать – тянуть крестьянскую лямку. А плачешь ты при этом или смеешься – без разницы. Даже лучше, когда плачешь; смех крепостных барину не по нраву. Раз смеешься – стало быть не в полную силу работаешь.

Но теперь уж смеяться и подавно не с чего. Единственную радость барин увез – дочку, Марфушку. Проигрался старый пьяница в карты, все деньги спустил. Поставил на кон Марфушку – и ту проиграл! Одна надежда, что у нового барина Марфушке лучше будет. Тот хоть молодой, сорок всего, да и не пьет сильно вроде. А там – кто его знает? Баре – они и есть баре. Что молодой, что старый. Для них крепостные – не люди.

Конечно, в глубине души Мирон понимал, что жалуется на барина зря. Ну, грешен, – выпить любит, игрок заядлый. Так кто сейчас без греха? Зато крестьян все же Никодим Пантелеймоныч жалеет. Пороть – порет, но до смерти никого еще не забил. А как без порки-то? Тоже нельзя. Крестьянину – ему только волю дай!..

– Э-хе-хей, воля-волюшка, – всхлипнул Мирон еще раз, высморкался в дорожную пыль, да и повернулся, чтобы идти с барского двора восвояси. Вот ведь тоже – позволил Никодим Пантелеймоныч с дочкой проститься, до самой брички дал проводить! Другой бы дал? Разве что в глаз.

Мирон уже шагнул за ворота и не удержался, оглянулся еще вслед облачку пыли. Свел жесткие брови, прищурился. Померещилось, или впрямь пыль назад к селу стелется? Назад, не иначе. Лошадей уже видно. И бричку крытую. А вот и платок Марфин белеется! Стукнуло сердце Мирона, дернулось. А ну как раздумал барин ее отдавать?.. Да только навряд ли. Знать, забыл что-то.

Бричка, не доехав до ворот, остановилась. Мирон заметил, что правит лошадьми Марфа. И увидел еще, что лицо дочери белое, как снег, глаза – что два пятака, и руки трясутся. Барин неловко спустился на землю и, качаясь, пошел к Мирону.

«Вот ведь, – подумал крестьянин, – только что вроде тверезым был, когда и успел нализаться? И Марфушку испугал, ирод! Там уж и пугать-то, поди, нечем, а все одново...»

Но пришел черед и самому Мирону пугаться. Голос Никодима Пантелеймоновича на пьяный никак не походил. Так ровно, будто по писанному, он и по трезвому делу не изъяснялся. А сказал такое, что и не враз разберешь:

– Пластик есть? Любые изделия из пластмассы.

Мирон ничего не понял. Стал собирать из похожих обрывков слова. Лишь одно только и вышло. И то не очень, чтоб схоже...

– Псалтырь? Так то у дьякона, барин. У меня-то откель?

– У дьякона? Далеко?

– Так вон она, церква, – махнул Мирон в сторону купола с покосившимся крестом.

– Едем.

– Да я так дойду, барин, – испугался Мирон пуще прежнего. Не к добру это – в бричке с барином ездить! Но тот будто не слышал. Опять сказал, да так – точно камнем по лемеху:

– Едем!

Пришлось лезть за барином в бричку. Марфа напуганным глазом стрельнула, в губах – ни кровиночки. Шепнула украдкой:

– Батюшка, напасть-то какая! Желтый аспид в барина прыгнул.

– Тихо-тихо!.. – одними губами, без голоса, пошевелил Мирон. – Услышит... Потом.

А сам призадумался. Что за аспид? Где он тут взялся, в их-то краях? И как это – в барина? В рот, что ли? В ухо?.. Уж не заговаривается ли Марфушка с горя?

Между тем доехали до церкви. Дьякон, Симеон, услышал, вышел. Барину поклонился, но не до земли, достойно.

– Храни тя господь, Никодим Пантелеймонович.

Барин лишь лоб из брички выставил. И опять:

– Пластик есть?

Симеону тоже «псалтырь» почуялся. Брови нахмурил, постоял, бородашкой повертел.

– Есть, – говорит. – Как не быть?

– Дай.

– Помолиться душа запросила? – скривился дьякон. – Так в церковь зайди. Не с лошадьми же псалтырь читать.

– Пластик там? – ткнул в открытую дверь барин.

– Там.

Посторонился Симеон, барина пропустил. Тот прошел – не качнулся. А Мирон, слава Богу, с дочкой остался, с глазу на глаз.

* * * * *

К Лану вернулась надежда. А поначалу он было отчаялся. Когда подключился к человеку в повозке и заговорил со вторым. Точнее, со второй, оказавшейся женщиной. Та ничего из его слов не понимала, не отвечала даже на примитивные вопросы, а только мелко вибрировала. Дома Лан почти не имел дела с людьми, лишь изучал их строение и физиологию, поэтому о том, что человек может молчать от сильного испуга, он попросту не учел. Потом, правда, вспомнил, а скорей – догадался. По той же вибрации, называемой в этом языке «дрожью».

Женщина ничем не помогла Лану, разве что привезла к другому человеку, который хоть что-то внятное сумел сказать. Мало того, сказал, что в селении есть пластик. А ведь в сознании донора Лан этого понятия так и не нашел. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: если пластмасса здесь только-только появилась, не все могли о ней знать. Но, как выяснилось, знали. Хоть и называли несколько иначе. Но тот человек, что показал ему, где имеется пластик, коверкал и другие слова. Судя по всему, образованность местного населения оставляла желать лучшего.

Лан прошел за человеком в черной одежде внутрь здания, называемого здесь «церковь». Или «церква», как назвал его другой житель. Ни то, ни другое название не находило ассоциаций в родном языке Лана. Что ж, многие понятия попросту прекратили свое существование за триста веков. Скорее всего, в этом здании находился какой-то центр связи. А раз так – пластик здесь должен быть.

Лан огляделся вокруг. На стенах и под круглым полушарием потолка – изображения. На всех – люди, люди, люди. В длинных, красивых одеждах, со странными кольцами вокруг голов. Может, это древние устройства связи – ментоны? Когда их изобрели – в двадцать девятом или девятнадцатом веке? Да не все ли равно...

– Что же ты, Никодим Пантелеймонович, и лба не перекрестишь? – прервал размышления Лана человек в черном.

– Лба? – переспросил Лан. «Лоб», «крестить» – такие понятия в его лексиконе были. Но в ясную картину предлагаемое действие у него так и не складывалось, и он переспросил: – Зачем крестить лоб? – Но, поскольку больше его интересовал другой вопрос, он задал и его: – Ты нашел пластик?

– Псалтырь вот, – показал человек в черной одежде темный кирпичик, зажатый в руке. – Но зачем он тому, кто в храме не крестится?

– Мне не надо креститься. Мне нужен пластик. Для пополнения запасов энергии и самовосстановления. Дай мне его! – Лан вытянул руку. Но еще не дотронувшись до цели, понял уже, что это не пластик. Целлюлоза, кожа, прочие органические вещества животного и растительного происхождения. И ни миллиграмма пластмассы!

– Это не пластик, – сказал Лан, опуская руку.

– Да ты никак пьян, Никодим Пантелеймонович? – нахмурился человек в черном. – Или болен... Нельзя так с собой поступать в шестьдесят-то годков. О душе пора думать. О вечном.

«Что он может знать о вечности?» – удивился Лан. Впрочем, вечность его сейчас мало интересовала. Энергия расходовалась быстрее, чем он рассчитывал. Тело донора и впрямь оказалось слишком большим и дряхлым. Пластик был необходим срочно! Лан стал вспоминать, где еще в этом веке могла применяться пластмасса? Эх, если бы знать, что его сюда забросит судьба! Всего лишь пару секунд и нужно-то было потратить на закачку нужной информации. И то, на самую закачку – куда меньше; основное время ушло бы на поиск и фильтрацию данных. Но сожалеть поздно, надо постараться вспомнить хоть что-то...

Но то, что вспоминал Лан, напрочь отсутствовало в лексиконе донора. Телевидение, кибернетика, информатика – пусто, пусто, пусто... Может, для сельской местности нужны более простые понятия? Например, телефон... Опять пусто! А если попроще – мобильная связь, связываться, звонить... Есть! И «связываться», и «звонить»!

– Звонить! – почти выкрикнул Лан. – У тебя есть то, чем звонить?!

– Есть, – вздохнул человек в черном. – Допился ты, Пантелеймоныч. Как есть, допился!..

– Мне не надо пить! – взмолился Лан. – Пойдем звонить!

– Эх, твои бы слова – да Богу в уши, – снова вздохнул человек. – Ну да ладно, звонить – так звонить. Это Богу угодно.

Человек поманил за собой Лана, вышел из здания, проследовал к высокой пристройке, зашел внутрь и стал подниматься по лестнице с каменными ступенями. Лан едва поспевал за ним – ноги донора едва шевелились, силы буквально таяли. Их едва хватило на то, чтобы подняться все-таки на открытую с четырех сторон площадку, под потолком которой висело пять темных неправильных конусов – скорее, параболоидов – разных размеров.

Человек в черной одежде взялся за веревки, свешивающиеся из центров параболоидов, и сильно дернул одну из них. Раздался громкий, отдавшийся вибрацией в теле звук. Человек потянул за другую веревку и вызвал еще один звук, более резкий. Потом еще один, еще и еще. От гулкого звона у Лана заложило уши. Но ему уже было все равно. Он видел, что пластика нету и здесь. Только камень – стены здания; дерево – потолок; растительная органика – веревки; и металл – звенящие параболоиды.

Лан почувствовал, как очередная вибрация, вызванная звуком самого большого конуса, отозвалась острой болью в груди донора. А потом остановилось сердце. Падая на каменный пол, Лан с грустью успел констатировать: «Мир погибшего пластофора...»

* * * * *

Уездный врач, Семен Ильич Ферапонтов, скучал. Ему был откровенно мерзок этот пыльный заштатный городок после великолетия Петербурга. Стоило ли учиться столько лет, тратить силы, нервы и маменькины деньги, чтобы в результате зашивать пьяницам порванные в драках морды и вскрывать чирьи на задницах местных «матрон»?.. Впору и самому спиться.

Хотелось чего-то нового, интересного, необычного. Да где его взять? Впрочем, что там говорил Тимошка?.. Привезли с утра тело покойного помещика. Как его?.. Шашек... Сашек... Сушик?.. Да-да, именно Сушик! Тимошка еще что-то такое выдал: дескать, сухой весь, под стать фамилии, будто из него все соки выпили. И еще что-то брякнул нелепое – мол, крепостные рассказывают, якобы видели, как в барина змеюка залезла. Аспид. Желтый аспид. Вот ведь фантазия у нынешних крестьян! А что, крестьяне – тоже люди; уж кому и знать о том, как не ему, врачу. Что барин, что крепостной – те же печень с селезенкой внутри, тот же, пардон за вульгарите, ливер. Кстати, о ливере и сухости – вот уж и впрямь каламбур! – Сушика... А что, если на самом деле, так сказать, аспид?.. Образно выражаясь, конечно. А если по-простому – обычный солитер? Правда, никто бы не смог увидеть, как он в этого Сушика... г-мм... влезает... Но, тем не менее, это версия. А что? Делать-то все равно нечего, проверить разве что?..

Семен Ильич спустился в прозекторскую. Надел поверх халата заскорузлый кожаный фартук, велел Тимошке ассистировать. Сбросил несвежую, в тошнотворных пятнах, простыню с тела покойного, размял пальцы, кивнул:

– Ну-с!..

Солитера не оказалось. А ткани и впрямь были сильно обезвоженными. И, если можно так выразиться, обезжиренными.

Семен Ильич хмыкнул:

– И где же, так сказать, твой аспид?

– Чего это он мой? – обиделся Тимошка. – Это мужик, что труп привез, сказывал, будто дочка его видела, как змеюка желтая в рот барину заползла.

– В рот, говоришь? А ну-ткать... – Ферапонтов раздвинул челюсти трупа, заглянул в рот. – Ого!.. Ну-ка, подай пилочку, голубчик. Что-то у него, болезного, и впрямь там не того-с...

Сделав трепанацию и раздвинув серые морщинистые полушария, доктор только крикнул. Из середины головного мозга покойного, погрузившись наполовину в спинной, тянулось что-то желтое, толщиной в полдюйма. Ферапонтов подцепил щипцами «новообразование», вытянул и снова крикнул – перед ним, зажатая в жвалах щипцов, и впрямь висела змея. Желтая, длинная, почти в аршин длиной. Черные маленькие глазки тускло поблескивали на сплюснутой голове, тонкая щелочка рта, казалось, изображала злобную ухмылку.

– Какая гадость! – скривился Семен Ильич.

– Аспид!.. – мелко и быстро закрестился Тимошка.

– Да уж... – покачал головой доктор. – Вот и не верь после этого людям-с!..

Он бросил змеюку на стол, рядом с трупом. Взял скальпель, вонзил в желтое тельце. То есть, попытался вонзить – лезвие лишь скользнуло по шкуре, но разрезать ее не смог. Ферапонтов попробовал еще – с тем же результатом. Он широко зевнул, отбросил скальпель и стянул фартук.

– Брось-ка эту гадость в печь, голубчик, – сказал он Тимошке и пошел мыть руки.

Санитар втянул ладонь в рукав халата и брезгливо, через ткань, взял змеиную тушку. Прошел в соседнее помещение, где в углу весело потрескивала поленьями печь-«голландка». Открыл чугунную дверцу, швырнул в огонь аспиды и стал наблюдать. Желтое тельце загорелось не сразу. Зато, когда пламя распробовало новое угощение, из печного зева повалил такой едкий дым, что Тимошка раскашлялся и спешно захлопнул дверцу.

– Аспид – он аспид и есть, – откашлявшись, буркнул санитар. – Начадил-то, начадил, идолище поганое!..

* * *

Шел одна тысяча восемьсот пятьдесят шестой год. Англичанин Паркес получил новое вещество – целлулоид.

Лечебный курс

1

– Что, док, дело совсем плохо? – Истоцкий посмотрел прямо в глаза доктору и усмехнулся.

– Вы еще усмехаетесь? – насупился и без того угрюмый доктор. – Между прочим, совершенно напрасно! У вас рак, причем в такой стадии, что еще полвека назад на вас бы поставили крест, лет двадцать назад спасли бы, сделав инвалидом, года три...

– Простите, док, – прервал его Истоцкий. – История вопроса меня не очень интересует. Я хочу знать, что вы можете сделать сегодня.

Доктор, немолодой уже мужчина, внешне – классический образец представителя своей профессии первой половины двадцатого века (только без очков) осуждающе посмотрел на Истоцкого. Даже помотал головой.

– Я просто поражаюсь, как вы легко относитесь к ситуации! – развел он руками. – Вам бы все побыстрей!

– Разумеется, – вновь усмехнулся Истоцкий. – Я ведь космолетчик. Да и время такое...

– Что «время»? – перебил теперь уже доктор. – Какое «такое»? Время – оно всегда одинаково. Это – неизменяемая, так сказать, субстанция! По крайней мере, являлась таковой еще недавно. – Доктор интригуяюще замолчал.

– Вы ждете от меня «охов» и «ахов»: «Почему недавно? Почему являлось?» – хмыкнув в третий раз, спросил Истоцкий. – Не дождетесь! Я про Время тоже могу интересную сказочку рассказать. Но сейчас я вашу хочу послушать. И, желательно, не про Время, а про то, как вы собираетесь меня лечить.

Доктор смутился и сделал движение, словно собирался снять очки. Поскольку в конце двадцать второго века очков никто не носил, можно было только предположить, что подобная реакция передалась ему генетически от коллег-предков.

– Видите ли, э-э... Николай Геннадьевич, – дотронулся до руки космолетчика доктор. – Я вас обнадеживать напрасно не хочу... Но как раз вчера я получил разрешение опробовать новую э-э... методику на человеке... – Тут доктор отвел глаза и еле слышно закончил: – На безнадежно больном...

Истоцкий в очередной раз хмыкнул, но ничего не сказал.

– Нет-нет! – встрепенулся доктор и замахал руками. – Я не совсем правильно выразился! Вылечить вас можно и по старым технологиям, вот только... профессию вам после этого придется сменить.

Истоцкий вскочил с антигравитационной кушетки.

– Вот уж... – вдарил он ребром левой ладони по локтевому стибу правой руки. Но фразу не закончил, оборвав себя на выдохе. И совершенно спокойно, будто и не было только что вспышки эмоций, произнес: – Я согласен на любой, подчеркиваю – на любой, даже неапробированный метод лечения, если есть хотя бы малейший шанс на полное выздоровление. На полное, доктор! Иначе я отказываюсь от лечения вообще. Протянуть еще год-другой абы как, в постели, на инвалидной коляске – нет уж, увольте!

– Ну, почему «абы как»? – снова замахал руками доктор. – Современные методы дают такие превосходные результаты, что...

– Оставьте, док! – поднял руку Истоцкий. – Я все понял. Если я не смогу летать – поверьте, это не громкие слова, – я всегда буду чувствовать себя в инвалидной коляске! Давайте ближе к делу. Итак, что за курс лечения вы хотите мне предложить?

2

...Запустить болезнь в конце двадцать второго века – это еще надо постараться! Информация о состоянии каждого жителя Земли, с момента рождения, обрабатывалась в режиме реального времени Региональными Информаториями и передавалась затем на хранение в базу данных Глобального Информатория, которая, в свою очередь, через определенные, незначительные промежутки времени архивировалась и дублировалась в Резервном Информатории. Проморгать даже начинающийся насморк при такой системе не представлялось возможным. Не говоря уже о чем-то более серьезном.

Другое дело – космос. Постоянные колонии и станции, разумеется, имели свои Информатории, а также необходимое оборудование и специалистов, чтобы справиться с любой известной на данный момент болезнью. Но исследовательские корабли, а тем более – спринт-разведчики, по причине малочисленности экипажей и краткосрочности миссий, в большинстве своем собственных Информаториев не имели, да и глобально-восстановительных лечебных комплексов – тоже. На спринт-разведчиках в экипажах отсутствовал даже врач – космолетчики пользовались в случае необходимости полученными при обучении медицинскими знаниями и индивидуальными лечебно-профилактическими средствами.

Так что пациентами немногочисленных стационарных госпиталей, как на самой Земле, так и в колониях, становились в основном именно космолетчики. Разумеется, в отделениях травматологии была своя статистика (от травм не спасал, увы, никакой Информаторий), хотя и там, разумеется, определенный процент космолетчиков присутствовал.

То же, что произошло с Николаем Истоцким, явилось для медицины последнего десятилетия полнейшей неожиданностью. Нонсенсом! Рак в конечной стадии – это слишком даже для космолетчика. Тем более что Информаторий не получал от Николая сведения лишь одни сутки – пока тот находился в краткосрочной исследовательской экспедиции...

Цель перед экипажем спринт-разведчика «Сюита» стояла вполне прозаичная: осуществить исследование звезды на самой периферии Метагалактики, входящей в небольшую спиральную галактику, побывавшую недавно, по земным наблюдениям, в ранге сверхновой.

Ее вспышку астрономы увидели неделю назад, стало быть взрыв произошел примерно за четыре миллиарда лет до этого. А с учетом того, что спринт-разведчики пользовались технологией СПВ (Сворачивания Пространства-Времени) или, по-простому, Нуль-Т, то, оказавшись в районе звезды в настоящее время, они могли наблюдать то, что происходит с бывшей сверхновой сейчас. Все легко, просто и довольно-таки буднично для конца двадцать второго века.

Между собой члены экипажа «Сюиты» называли свой шустрый кораблик «Суетой». Действительно, суета – прыжок, исследование объекта за пару суток, самое большое – за неделю, прыжок назад, новое задание, снова прыжок... Туда-сюда, туда-сюда – суета, одним словом.

3

Нынешней полет ожидался таким же рядовым скачком, не более. Поэтому фразу штурмана Родионова: «Что за ерунда?» сначала за сигнал тревоги не восприняли.

– Нет, ну что за ерунда? – повторил Родионов, уже с явной целью привлечь внимание остальных членов экипажа. – Командир, посмотри, где мы выскочили!

Истоцкий бросил взгляд на сферу Показателя.

– Двести сорок парсеков от цели, – хмыкнул он. – Действительно, двести парсеков туда – двести сюда, какая ерунда!

– На тебя не похоже, Сергеич, – весело добавил космолетчик-исследователь Леха Хрумкин.

– Заткнись, Леха, – огрызнулся Родионов. Ответить командиру в подобном тоне постеснялся, но, тем не менее, изрек с явной обидой в голосе: – Ты, Геннадьич, посмотри еще, что Бортовик выдает.

Истоцкий ловко крутанул ладонью над инфополем Бортового Компьютера, разворачивая висящие в воздухе строки в свою сторону и прочитал вслух:

– «Свойства ПВ отличны от нормы. СПВ к заданным координатам невозможно. Аварийный останов Преобразователя. Введите новые координаты». Круто! Ты когда-нибудь с подобным сталкивался, Сергеич?

– Нет, конечно! Такого просто не бывает.

– Но есть же, – хмыкнул Истоцкий. – Сам видишь.

– А Бортовик накрыться не мог? – почесал седеющий ежик волос Родионов. – Или... Преобразователь, не приведи господи?

– Бортовик! Ты че, Сергеич? – гоготнул Леха Хрумкин. – Там же кристалл крепче алмаза! Он в принципе не накрывается.

– Ну, а если бы Преобразователь... – осторожно продолжил Истоцкий. – Прости, что поминаю имя Твое всуе! – полуобернулся он назад, где, в кормовой части «Сюиты» располагался Преобразователь, бог СПВ. – Если бы Преобразователь... гм-м... накрылся, да еще в процессе СПВ... Где бы, что бы сейчас от нас было?

– Тоже верно, – согласился штурман. – И что теперь?

– Для начала давайте осмотримся. Как там наша пыхнувшая звездочка? Отсюда все ж получше видно. – Истоцкий увеличил часть изображения на экране Визора.

На экран он глядел минут пять, молча, только привычно похмыкивая. Затем обернулся назад и увидел, что Леха Хрумкин буквально разинул рот и выпучил глаза, уставившись в экран.

– Смотрю, тебя картинка тоже впечатляет, – усмехнулся Истоцкий.

Вместо ответа Хрумкин выдавил из себя что-то нечленораздельное, тыча пальцем в центр изображения.

– Да что вы там увидели? – заинтересовался Родионов, который все еще продолжал мучить Бортовик. А когда посмотрел внимательно на экран Визора – даже побледнел.

– Батюшки святы! – простонал он, раскачивая головой. – Звездочка-то только-только жажнула! Дня три от силы...

– Но этого не может быть, – просипел ошалевший Хрумкин. – Прошло уже... Прошло уже... Так, если мы не долетели двести сорок...

– Леша, брось считать, – поморщился Истоцкий. – Миллионом лет больше, миллионом меньше – это не суть. Факт в том, что это произошло не на днях.

– Значит, она снова взорвалась?! – ахнул штурман.

Леха Хрумкин, вспомнив, что он как раз и является специалистом по данным вопросам, взял себя наконец в руки, и заговорил более-менее спокойно:

– Взорваться снова она не могла. Это исключено. Тут что-то другое.

– А может, это вовсе не та звезда? – пришла в голову Истоцкому шальная мысль.

– Геннадьич, ты меня обижаешь! – Теперь Родионов покраснел. – Вот, смотри, рядом молодое скопление... Что за черт!

– Что на сей раз? – в очередной раз хмыкнул Истоцкий.

– В-место скопления п-протооблако... – начав заикаться, жалобно простонал штурман. – А т-там, и вон там... – стал тыкать он в экран пальцем. – В-все не т-там...

– «Там, не вон там...» – нахмурился Истоцкий. – Ты яснее можешь выражаться?

– Коленька, мы, кажется, попали в прошлое... В далекое-далекое прошлое... – захлопал глазами Родионов, виновато глядя на командира.

– Ты говори, да не заговаривайся! – буркнул Истоцкий. – Что там Бортовик насчет ПВ выдает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.